

Валерий Ковалев

СОДЕРЖИТ

НЕЦЕНЗУРНУЮ

БРАНЬ

18+

ПОБЕГ ИЗ АДА

Повесть

Валерий Ковалев

Побег из ада

«Автор»

2022

Ковалев В. Н.

Побег из ада / В. Н. Ковалев — «Автор», 2022

Июнь 1945-го. Поверженный Бреслау. Командир штрафбата майор Лосев по приговору военного трибунала попадает в лагеря "Дальстроя". Организовав группу осужденных из офицеров, совершает оттуда побег. Сотни километров тайги, схватка с преследователями. Переход границы с Китаем. А там очередная война, в которой приходится участвовать. Содержит нецензурную брань.

© Ковалев В. Н., 2022

© Автор, 2022

Содержание

Глава 1. В поверженной Германии	6
Глава 2. Последний бой	16
Глава 3. Трибунал	26
Глава 4. Дорога на восток	36
Конец ознакомительного фрагмента.	42

Валерий Ковалев

Побег из ада

Моему отцу, Николаю Леонтьевичу Ковалеву,
его другу, Дмитрию Дмитриевичу Вонлярскому,
и всем фронтовикам, прошедшим лагеря
ГУЛАГА посвящается

Глава 1. В поверженной Германии

1. Мы, нижеподписавшиеся, действуя от имени Германского Верховного Командования, соглашаемся на безоговорочную капитуляцию всех наших вооруженных сил на суше, на море и в воздухе, а также всех сил, находящихся в настоящее время под немецким командованием – Верховному Главнокомандованию Красной Армии и одновременно Верховному Командованию Союзных экспедиционных сил.

2. Германское Верховное Командование немедленно издаст приказы всем немецким командующим сухопутными, морскими и воздушными силами и всем силам, находящимся под германским командованием, прекратить военные действия в 23-01 часа по центрально-европейскому времени 8-го мая 1945 года, остаться на своих местах, где они находятся в это время и полностью разоружиться, передав всё их оружие и военное имущество местным союзным командующим или офицерам, выделенным представителям Союзного Верховного Командования, не разрушать и не причинять никаких повреждений пароходам, судам и самолетам, их двигателям, корпусам и оборудованию, а также машинам, вооружению, аппаратам и всем вообще военно-техническим средствам ведения войны.

3. Германское Верховное Командование немедленно выделит соответствующих командиров и обеспечит выполнение всех дальнейших приказов, изданных Верховным Главнокомандованием Красной Армии и Верховным Командованием Союзных экспедиционных сил.

4. Этот акт не будет являться препятствием к замене его другим генеральным документом о капитуляции, заключенным объединенными нациями или от их имени, применимым к Германии и германским вооруженным силам в целом.

5. В случае, если немецкое Верховное Командование или какие-либо вооруженные силы, находящиеся под его командованием, не будут действовать в соответствии с этим актом о капитуляции, Верховное Командование Красной Армии, а также Верховное Командование Союзных экспедиционных сил, предпримут такие карательные меры, или другие действия, которые они сочтут необходимыми.

6. Этот акт составлен на русском, английском и немецком языках. Только русский и английский тексты являются аутентичными.

Подписано 8 мая 1945 года в городе Берлине.

От имени Германского Верховного Командования: Кейтель, Фриденбург, Штумпф

В присутствии:

По уполномочию Верховного Главнокомандования Красной Армии

По уполномочию Верховного Командующего

экспедиционными силами союзников

Маршала Советского Союза

Главного Маршала Авиации

Г. Жукова

Теддера

При подписании также присутствовали в качестве свидетелей:

Командующий стратегическими

воздушными силами США генерал
Главнокомандующий Французской
армией генерал

Спаатс
Делатр де Тассиньи

(Акт о военной капитуляции)

Стояло лето 45-го. На разбитых улицах и площадях Бреслау копошились немцы под охраной поляков, разбирая баррикады с завалами. На перекрестках махали флажками девушки-регулирующие, пропуская военную технику, по обочинам неспешно двигалась пехота.

– Эй, красивая? Как нам попасть на Мензельштрассе? – остановился перед одной из регулировщиц пыльный «джип» с тремя офицерами в кабине. Машина была новая, полученная по ленд-лизу* и с номерным знаком на борту.

Спрашивал молодой майор, сидевший за рулем. Спутники – оба капитаны улыбались. Девушка действительно была хороша. Такие нравятся мужчинам.

– Повернете налево, два километра прямо, затем перекресток, справа будет она, – указала флажком и отвернулась, пропуская колонну танков.

Когда обдав синими выхлопами, та прогрохотала по брусчатке, майор прокричал «спасибо!» и, врубив скорость, крутанул руль. По сторонам замелькали остовы домов с пустыми глазницами окон, изредка встречавшиеся прохожие в цивильном, катящие тележки со скарбом.

Звали его Николай Лосев. Это был рослый широкоплечий офицер с русыми волосами и жесткими серыми глазами под козырьком полевой фуражки. На отглаженной гимнастерке со свежим подворотничком сияли орден Отечественной войны, два Красной Звезды и несколько медалей.

Войну Лосев начал курсантом Подольского пехотного училища в октябре 41-го под Москвой, оставшимся немногим из живых. Получив ранение в плечо, месяц провалялся в госпитале, а зимой стал лейтенантом – командиром взвода. В марте следующего года, уже ротным, под Ржевом, попал «под раздачу».

Рота дважды атаковала господствующую высоту в лоб, потеряв три четверти личного состава, приказ о третьей выполнять отказался. Далее были военный трибунал и штрафбат, второе ранение, госпиталь и медаль «За отвагу». А потом реабилитация с предложением продолжить службу командиром штрафной роты.

«Бог не выдаст, свинья не съест» прикинул Лосев и дал согласие. По натуре был вспыльчивый, в поступках быстрый и решительный. Рота, которую принял, состояла из рядовых и бывших младших командиров, а еще заключенных, пожелавших смыть вину кровью.

Она оказалось не подарок. При первом знакомстве офицеры постоянного состава рассказали, что его предшественника застрелили во время атаки в спину, дисциплина была низкой, отмечались факты дезертирства.

Через неделю роту отправили на позиции, там случилось новое «чп». Боевое охранение из трех бывших зеков задержало ночью в степи женщину с двенадцатилетней дочкой, и привели к себе в землянку, где обоих изнасиловали. Утром об этом стало известно Лосеву, он приказал выстроить личный состав, проведя мать перед шеренгами.

– Вот эти, – показала она пальцем на насильников.

– Три шага вперед! – приказал ротный, расстегнув кобуру «ТТ».

Двое понурясь вышли, а третий, отказался.

– Да пошел ты, – харкнул на землю.

В ответ грянул выстрел. Рухнул на землю, посучив ногами, затих.

Подельников Лосев приказал взять под стражу и вместе с женщиной и ребенком отправил в штаб. Вскоре оттуда нагрянул особист на мотоцикле, взяв с него объяснение. Пряча в полевую сумку, спросил, – зачем одного расстрелял сам?

– Чтоб другим было неповадно, – буркнул лейтенант. – По военному времени имею право.

– Ну-ну, – хмыкнул контрразведчик и укатил обратно.

Ночью поступил приказ о начале наступления, утром повел роту в атаку. В спину никто не выстрелил, поставленную задачу штрафники выполнили. Потом были еще бои, переменный состав менялся. Сорок третий год встретил старшим лейтенантом и был принят в ряды ВКП(б).

На Дону получив контузию, попал в госпиталь. После выписки назначили начальником штаба штрафного батальона 1-го Украинского фронта. Во время Львовско-Сандомирской операции* командир батальона погиб при бомбежке, Лосев занял его место. Победу встретил в Бреслау.

И теперь вместе с заместителем Каламбетом и начальником штаба Орешкиным возвращался из штаба дивизии, куда отвозили списки личного состава. Штрафные подразделения упразднялись, переменный состав подлежал реабилитации, с последующим направлением в другие части или демобилизации. Постоянный зачислялся в резерв до особого распоряжения.

В штабе случайно узнали, что на Мензельштрассе поляки открыли ресторан. Орешкин предложил там отобедать.

– Командир, ты когда последний раз был в ресторане? – спросил майора, когда выйдя из здания, шли к машине.

– Не приходилось, – пожал тот плечами. – Сразу после школы училище, потом война.

– А ты? – взглянул Орешкин на Каламбета.

– За неделю до нее. Обмывал с сослуживцами очередное звание.

Каламбет был самым старшим из троих.

Войну начал капитаном, под Харьковом. За отход с позиции был разжалован в лейтенанты и после этого сам напросился в штрафбат, где дорос до заместителя командира батальона. Орешкин же до недавнего времени являлся ротным, штаб возглавил на подступах к Бреслау. За время совместной службы все притерлись друг другу, отношения были можно сказать, дружеские.

Вскоре выехали к перекрестку, по бульжникам цокал копытами эскадрон казаков.

Сразу за командиром в первом ряду растягивал меха гармошки чубатый парень в кубанке

Ты ждёшь, Лизавета,
От друга привета.
Ты не спишь до рассвета,
Всё грустишь обо мне.
Одержим победу,
К тебе я приеду
На горячем боевом коне!

душевно выводил чистый высокий голос

Одержим победу,
К тебе я приеду
На горячем боевом коне!

дружно потягивала еще полтора глотка.

– Хорошо, поют черти, – притормозил Лосев, пропуская всадников, и свернул направо.
– Точно Мендельштрассе, – указал Орешкин на надпись готической вязью на стене разбитого до нижних этажей дома.

– Эта вроде целее других, – оценил с заднего сидения Каламбет.

Многие дома на улице действительно сохранились, как и трамвайные пути с посеченными осколками деревьями вдоль нее. На некоторых зеленели листья. Людей на тротуарах было чуть больше, транспорта меньше. Часто попадались открывшиеся магазины и лавки. Иногда – «блошинные рынки». Там что-то меняли, продавали и покупали местные обыватели.

– Хозяйственный все – таки народ фрицы, – косился на них Лосев. – Вчера воевали, сегодня уже торгуют.

– Это силезские немцы. Изначально, в десятом веке, Бреслау звался Вроцлавом, и тут жили поляки. Затем их вытеснили германцы, – со знанием дела сказал Орешкин, в прошлом студент истфака.

– Тогда ясно, почему город передаем «ляхам»* – хмыкнул Каламбет. – Они дадут этим силезцам жизни.

– Что – что, а загребать жар чужими руками умеют, – согласился Лосев. – Те еще вояки. Союзников все трое не уважали, на что имелись причины.

Во время Висло – Одерской операции армия Войска Польского особой отваги не проявляла, а порой срывала поставленные перед ней задачи. При наступлении на Сандомирском плацдарме в составе 1-го Украинского фронта, ее части не смогли прорвать на порученном участке немецкую оборону. За них это сделали штрафники. Тогда батальон Лосева потерял половину личного состава, и он после боя дал в морду польскому комполка.

На следующий день остатки штрафбата перебросили на другой участок, операция продолжалась. После ее окончания батальон пополнили и дивизия, которой был придан, в составе других двинулась на Бреслау. История последствий не имела.

– Вроде то, что нам нужно, – сказал Орешкин, заметив на одном из зданий справа, вывеску «Restauracja Konspira».

Юркая машина пересекла трамвайные пути и, развернувшись, подъехала туда.

У тротуара стояли трофейный «опель» и наша «эмка», припарковались рядом. Лосев заглушил двигатель, вышли из кабины, одернув гимнастерки с португепями, направились к двери. За ней были небольшой холл.

Сдав фуражки гардеробщику, поднялись по ступеням на второй этаж в зал. Под высоким потолком плавал табачный дым, слышался веселый смех и звяк приборов. В центре на небольшой круглой сцене аккордеонист со скрипачом исполняли вальс Шуберта.

– Ничего шалман, прямо как у нас в Одессе, – растянул в улыбке губы Каламбет.

Рядом тут же возник сухонький официант в белой накрахмаленной куртке, – цо паны бажают?

– Выпить и поесть, – ответил Лосев.

– Пшепрашем, – указал рукой на освободившийся столик у окна, с которого второй убирал посуду, а когда гости расселись, поспешил выполнять заказ. Спустя короткое время на столе появились холодные закуски, домашней выпечки белый хлеб и графин янтарной зубровки. Каламбет, вынув пробку, тут же наполнил стаканы.

Молча сдвинув, выпили, налегли на закуску.

Как только все съели, официант доставил горячее – красный наваристый борщ и рубленые бифштексы с молодым картофелем посыпанным укропом. Под них приняли по второму.

– Да, так жить можно, – когда закончили обед, оценил Орешкин.

Заказав по чашке кофе, расплатились, дав официанту на чай, закурили и с интересом оглядели зал.

Народу в нем хватало. Советские офицеры различных родов войск, в том числе военные моряки, их польские союзники и даже гражданские. Одни были с женщинами, другие без, все раскрасневшиеся и оживленные.

Веселье нарушило появление польского патруля – офицера в чине поручика и двух солдат в конфедератках* с красными повязками на рукавах. Махнув музыкантам рукой (те прекратили играть) старший громко объявил о проверке документов.

Несмотря на окончания войны в городе по ночам стреляли, действовал комендантский час, и солдат поодиночке не увольняли. Бегло просмотрев документы у двух польских жовней с дамами за соседним столиком, патрульные подошли к Лосеву с товарищами.

– Предъявите ваши, – сказал на русском поручик.

Был он среднего роста, угрюмый и с тяжелым взглядом.

Все трое извлекли из нагрудных карманов гимнастерок и протянули удостоверения начальствующего состава РККА*. Сверив фото на них с лицами и полистав, Лосеву с Каламбетом вернул, а последнее задержал, – непорядок.

– В смысле? – удивленно поднял брови Орешкин.

– Судя по погонам, вы капитан, а в документе значится старший лейтенант.

– Месяц назад присвоили, не успел сменить.

– А еще похожи на одного разыскиваемого, – процедил поляк. – Попрошу проехать в комендатуру.

– Слушайте, вы, – закипая гневом, поднялся со стула Лосев. – Это мой начальник штаба и никуда он не поедет, – отобрав удостоверение, вернул Орешкину.

– Цо?! – пошел пятнами по лицу. – Забираю всех троих! И стал расстегивать кобуру.

Не успел. Лосев сгреб за плечи и выкинул в открытое окно.

– Матка боска! – донесся визг, за ним шлепок.

Один патрульный лапнул на груди ППШ*, – не вздумай, – выхватили пистолеты Орешкин с Каламбетом.

Кругом наступила тишина.

Все трое покинув зал, быстро спустились по ступеням вниз и, прихватив в гардеробе фуражки, оказались на улице. Под окном, на тротуаре, прохожие поднимали поручика. Голова у того болталась, кто-то звал врача.

Запрыгнули в «джип», взревел мотор и, развернувшись, он покатил обратно.

– Вот суки, испортили обед, – пряча удостоверение в карман, сказал Орешкин.

– А ловко ты его комбат, – рассмеялся Каламбет. – Надолго запомнит.

Минут через двадцать, миновав центр, выехали на южную окраину.

В десятке километров от нее, в лесу рядом с озером, в брошенном эсэсовцами военном городке дислоцировался батальон. Его списочный состав составлял шестьсот человек, после штурма осталось триста двадцать пять. Остальные, искупив вино, погибли или лежали в госпиталях.

Часовой, подняв шлагбаум, козырнул. «Джип» вкатился на территорию и, описав дугу, остановился перед затененным соснами особняком с красно – черепичной крышей. Внизу находился штаб, на втором этаже жили офицеры. Перед зданием серел плац, по сторонам несколько казарм. У них слонялся, дымил махоркой и загорал на травке переменный состав. На спортивной площадке босяком гоняли мяч две команды.

Выйдя из машины, все трое зашли в штаб, дежурный доложил, – товарищ майор! Происшествий в батальоне нет. Личный состав отдыхает.

– Добро, – кивнул Лосев. Поднялись на второй этаж.

– Может, искупнемся? – предложил Орешкин, когда шли коридором. – Вон как запылились. И чихнул.

– Не помешает, – толкнул одну из дверей комбат. – Встречаемся внизу.

Комната, которую занимал, имела два окна и всю нужную для проживания мебель. При драпе оставили бывшие хозяева. Расстегнув ворот гимнастерки, Лосев определил на вешалку планшетку, взял с умывальника кусок мыла и, завернув в вафельное полотенце, направился обратно.

Вскоре, оставив позади казармы, они шли по лесной тропинке к недалекому озеру, блестящему под июльским солнцем. В кронах деревьев щебетали птицы, на полянах золотились россыпи одуванчиков.

На зеленой травке у берега, в тени дуба сидел человек с коротким седым ежиком, в белой рубашке и галифе. Рядом на рогульках висел котелок (под ним сухой хворост) сбоку вещмешок. В воде у зарослей камыша возились с бреднем еще двое.

При виде подходивших офицеров хотел встать, – сидите, Андрей Иванович, – махнул рукой комбат.

– Что? Решили сварить уху? – кивнул заместитель на напарников.

– Решили, – улыбнулся седоголовый.

– Хорошее дело, – одобрил Лосев, и все трое направились к песчаной косе неподалеку. Вода там лучше прогрелась.

Говоривший с ними, в недалеком прошлом был подполковником, командиром артиллерийского дивизиона*. По пьяной лавочке повздорил с замполитом, тот обвинил комдива в нелюбви к Сталину. Доказывая обратное, всадил майору пулю в лоб, комиссара с почестями закопали. Родным ушло извещение «пал смертью храбрых». Виновного же, лишив звания и орденов, отправили в штрафбат. Теперь, как другие, оставшиеся в живых, ждал реабилитации.

На косе офицеры разделись, аккуратно сложив обмундирование (сверху пистолеты в кобурах) и белея телами, с гоготом помчались в воду. Она была прозрачной, в меру холодной и приятно освежала.

Пока Каламбет с Орешкиным плескались у берега, Лосев саженками сплавал к другому, метрах в ста. Там выбрел на глинистый откос, забрался на склонившуюся к озерной глади иву и сиганул головой вниз. Вынырнул почти на середине, так же резво замелькал руками обратно.

– Ну и здоров ты командир, – оценил заместитель, а начштаба рассмеялся, – я уж подумал, утонул.

– Это вряд ли, – шевельнул мускулистыми плечами с пулевой отметиной на одном. Бок украшал второй шрам, от осколочного ранения.

Накупавшись и вымывшись с мылом, все трое улеглись на теплый песок и замолчали. Солнце клонилось к закату, над водой мелькали стрижи, где-то в лесу вела счет годам кукушка.

– Даже не верится, что кончилась война, – мечтательно глядя в небо, сказал Орешкин. – Демобилизуют, вернусь к себе в Казань, закончу университет и стану преподавать историю. А вы? – повернул голову к товарищам.

– Я кадровый, – зевнул Каламбет. – Буду служить дальше.

– И я, – чуть помолчал Лосев. – Дома никто не ждет.

– Это как? – сделал удивленные глаза, приподнялся на локте Орешкин. – Совсем никто?

– Совсем, – вздохнул комбат. – Отец у меня был военный летчик, погиб в тридцать девятом на Халхин-Голе*. Мать через год вышла замуж и уехала в Ленинград. Умерла там во время блокады.

Была еще девушка. Дружили со школы, потом встречались, хотели пожениться. Не успели – началась война. Сначала переписывались, потом исчезла. О ее судьбе ничего не знаю.

Опять замолчали, а когда шар солнца коснулся зубчатых вершин леса, и от воды потянуло прохладой, стали собираться. Натянув гимнастерки с бриджами и сапоги затянули портупеи. Прихватив полотенца, пошагали обратно.

Теперь у дуба потрескивал огонь, на нем, издавая аромат, побулькивал котелок. На расстеленной плащ-палатке лежал кирпич черняшки*, несколько пупырчатых огурцов, ложки и немецкая, в войлочном чехле, фляга.

- Давайте с нами, – поднял глаза бывший подполковник, напарники поддержали.
- Спасибо ребята, – отказался Лосев. – Как-нибудь в другой раз.
- А во фляге что? Спирт? – ткнул в нее пальцем Каламебт.
- Нет, шнапс, – сказал усатый крепыш. – Он того, слабенький.
- Можно задержаться до вечерней поверки? – спросил второй, в прошлом летчик.
- Хорошо, – разрешил комбат, и они пошли дальше.

В части роты шли на ужин в столовую, офицеры тоже подкрепились за своим столом, после чего занялись текущими делами. Далее состоялись вечерняя поверка и отбой («рыбаки» вернулись вовремя) плац перед казармами опустел. По нему бегала стайка бродячих собак, выставленные на ночь посты охраняли территорию.

Когда на землю опустилась ночь и в небе зажглись звезды, Лосев в начищенных сапогах и чисто выбритый, зашел в комнату Каламбета. Тот в майке и трусах, лежа на койке, дымил папиросой и листал трофейный журнал с картинками.

- Я отъеду до утра. Если что, где искать меня знаешь.
- Добро командир, – ответил заместитель.

Выйдя, майор спустился по ступеням вниз. Дежурный лейтенант за стойкой, встав, козырнул. Хлопнула входная дверь.

На улице было тихо и свежо, в траве звенели сверчки. Обогнув здание, Лосев проскрипел сапогами по гравийной дорожке к трем кирпичным боксам у ограды. Отпер ключом дверь крайнего, распахнул створку и вошел внутрь.

Через пару минут оттуда выкатился трофейный «цундап» с коляской, слез с седла, и затворил. Снова уселся, включил скорость, мотоцикл с тихим рокотом двинулся к КПП. У него остановившись, просигналил, из будки выбежал часовой, подняв шлагбаум. Набирая скорость, машина исчезла в темноте.

Отъехав от части пару километров, майор свернул с асфальта на проселочную дорогу, луч фары высветил по сторонам сосновый бор. Потом он кончился, «цундап» спустился в низину и по каменному мосту пересек реку. За ней возникло небольшое, местечко с кирпичой* в центре, застроенное одно и двухэтажными домами. Свернул на одну из улиц.

Миновав два особняка, въехал по короткой аллее во двор третьего. Заглушив мотор и погасив фару, слез с седла. Отряхнул рукой бриджи* и поднялся на увитое плющом крыльцо. Дважды крутнув флажок звонка стал ждать.

В одном из окон наверху возникло пятно света, через минуту из-за двери, тихо спросили, – кто?

- Это я, Злата. Николай.

Внутри провернулся ключ, брякнул запор, переступил порог. Шею тут же оплели горячие руки, губы слились в поцелуе. Чуть позже оба голые лежали на кровати в одной из комнат второго этажа. Майор курил, а женщина, опершись на локоть, перебирала его волосы. На вид ей было лет двадцать пять, стройная и красивая блондинка.

Знакомство состоялось вскоре после капитуляции Бреслау. Штрафбат сначала разместили в этом местечке под названием Крафтборн. Там уже стояла какая-то тыловая часть и проезжая улицей, Лосев услышал в этом особняке крики.

- Ну-ка туда, – приказал сидевшему за рулем сержанту.

Тот свернул в аллею и тормознул у входа. Взбежали на крыльцо, Лосев рывком открыл дверь. В холле на ковре два пехотинца насильовали молодую женщину. Один держал за руки, а второй, задрав платье, ловил ноги. Та отчаянно лягалась и визжала.

- А-атставить! – рывкнул майор, выхватив «ТТ». – Перестреляю, гниды!

За спиной лязгнул автоматный затвор, оба побледнев лицами вскочили.

– Пошли вон! – махнул стволом на дверь.

Топоча кирзачами ломанулись к выходу.

– Шевели копытами! – дал последнему здорovenного пенделя сержант.

Женщина оказалась чешкой по имени Злата, служила в доме гувернанткой. С ее слов, за месяц до подхода советских войск хозяева уехали в Швейцарию, поручив сторожить усадьбу.

– Я извиняюсь за этих солдат, они сюда больше не вернуться, – сунул пистолет в кобуру Лосев. – В городе будет стоять моя часть, гарантирую спокойствие и порядок.

– Благодарю, пан офицер, – утерла гувернантка слезы.

– Кстати, – окинул глазами холл и лестницу, ведущую на второй этаж. – Не могу ли я здесь на время поселиться?

– О да, – часто закивала Злата.

– В таком случае не прощаюсь, – и вышел вместе с сержантом. Женщина проводила взглядом.

Разместив батальон в школе на площади и пустующих домах, к вечеру Лосев вернулся. Сержант внес в прихожую чемодан и туго набитый вещмешок, после чего уехал. Чешка показала майору комнату на втором этаже, а потом они вместе поужинали на кухне привезенными продуктами.

– Все, что осталось ваше, – кивнул на мешок Лосев.

– Декуи, – опустила ресницы Злата.

А ночью он проснулся в своей кровати от объятий.

– Либеш се ми*, – шептала чешка, прижимаясь гибким телом. Дальше они любили друг друга до утра. Женщины до этого у Лосева были, в госпитале и на переформировке, чешка стала очередной.

Вскоре батальон передислоцировали в брошенный военный городок, откуда по ночам майор навевался к подруге. Иллюзий на дальнейшее оба не питали, то была временная связь.

Загасив в прикроватной пепельнице окурок, Николай приобнял Злату, и они уснули. С неба в открытое окно глядела желтая луна.

В четыре утра мотоцикл катил обратно, на востоке алела заря. От основной трассы отходила асфальтированная дорога, бросив в ту сторону взгляд, поежился. Километрах в семи по ней находился концентрационный лагерь смерти. О нем узнали случайно.

На следующий день после размещения в Крафтборне, Лосев вместе с Каламбетом оставив батальон на Орешкина, выехали за город для знакомства с окрестностями. Заметив эту самую дорогу с указателем «Aussenkommandos» приказал водителю туда свернуть.

Минут через десять она спустилась в обширную зеленую долину, окруженную высокой оградой из колючей проволоки с караульными вышками по углам. За ней административное здание и казарма. Дальше плац и три ряда барачных, меж которых мелькали люди в белых халатах. На другом конце еще какие-то строения и высокая кирпичная труба.

Въехав в открытые ворота «джип» подрулил к зданию. У дверей стояли «эмка» с водителем внутри и несколько грузовиков с тентами, на всех красный крест. Рядом прохаживался пожилой часовой с винтовкой. Из одной полуторки несколько солдат нестроевого вида выгружали какие-то тюки и ящики. Затормозив рядом, автомобиль стал.

– Что здесь за часть, отец? – вышли из кабины офицеры.

– Отдельный санитарный отряд, товарищ майор, – приложил к пилотке руку.

– А как увидеть начальство?

– Вон оно, идет (кивнул в сторону).

От казармы по бетонной дорожке к ним направлялись двое. Седоголовый старичок с бородкой клинышком, в форме подполковника медицинской службы и лет тридцати женщина – капитан.

- Чем обязаны? – подойдя ближе, близоруко прищурился подполковник?
- Лосев с Каламбетом представились. Обменялись рукопожатиями.

Подполковник, назвавшийся Семеновым был из армейского САНУПРА*, женщина – начальником его санитарного отряда по фамилии Цветкова.

Лосев сообщил, что он командир дислоцирующейся в Крафтборне части и заехал узнать, что здесь за объект.

– Немецкий лагерь смерти, – ответил подполковник. – Один из восьмидесяти на территории Восточной Пруссии. При отступлении эсэсовцы не успели уничтожить всех узников. Тех, что остались, выхаживаем на месте. Нетранспортабельны.

– И сколько их здесь? – кивнул на бараки Каламбет.

– Полторы тысячи. Ну ладно товарищи, мне надо ехать (взглянул на наручные часы). Если имеются еще вопросы, Ольга Петровна на них ответит. Прощайте.

Козырнув направился к «эмке», зарокотал мотор, выехала за ворота.

– Так как насчет вопросов? – обратилась начальница к офицерам.

– Не имеем. Все ясно.

– Может, желаете осмотреть лагерь? Увидеть, что такое нацизм.

– На фронте уже видели. Спасибо (нахмурились).

– Такое вряд ли, – горько сжала губы.

– Хорошо, ведите, – принял решение майор.

Для начала зашли в казарму, пропитанную запахами хлорки и лекарств. Вдоль стен тесно стояли койки. На них обтянутые кожей серые скелеты, их обихаживал медперсонал.

– Здесь у нас лежачие, с тяжелой формой дистрофии, многие безнадежны, – обвела капитан помещение рукой.

– Ольга Петровна, – камфара заканчивается, – подошла от одной из коек усталая медсестра.

– К вечеру из Бреслау подвезут еще. Пока колите заменители.

– Майор, – прохрипели с койки рядом.

– Слушаю тебя браток, – наклонился Лосев.

– Отомстите за нас, – горячечно заблестели глаза. Погасли.

Цветкова тоже наклонилась, пощупав пульс, и подозвала санитаря, – в мертвецкую. Тот молча кивнув, натянул умершему на голову простыню.

Вышли на свежий воздух.

– Здесь все русские? – нервно закурил Каламбет.

– Нет, – покачала головой. – Большинство поляки, чехи и евреи. В 41-м было три тысячи советских военнопленных, остались пятьдесят восемь. Ну что? Идем дальше?

– Идем.

В бараках было то же самое. Похожие на мумии люди на нарах, ставящие им капельницы сестры, кормящие и поящие санитары.

– Эти будут жить – уверено сказала Цветкова. – А теперь покажу главное.

Направились во вторую часть лагеря, отделенную от первой колючей проволокой, с тоже открытыми воротами. Зашли в обширное, похожее на склад помещение.

– Основное производство в лагере – каменоломни в двух километрах. Здесь вспомогательное, – сказала женщина. – Вот в этом отсеке, – подвела к крайнему с многочисленными тюками, – волосы заключенных. Шли для изготовления матрацев на подводные лодки.

Тут (перешли к соседнему, со штабелем ящиков) мыло из их жира. А вон в том – показала пальцем, – мешки с пеплом для удобрения полей.

– Н-не может быть, – побледнели офицеры. – Что же это такое?!

– Обыкновенный фашизм. В завершение покажу их фабрику смерти. Это тоже надо видеть.

Словно сомнамбулы, прошли за Цветковой к зданию, что сначала посчитали котельной. Ошиблись. То был крематорий, где сжигали людей. Внутри имелись три футерованные* печи с железными лотками, белесый пепел, остатки костей и черепа.

У Лосева с Каламбетом зашевелились волосы под фуражками.

Назад шли молча, до боли сжав зубы и кулаки.

– Спасибо, Ольга Петровна, теперь будем знать, – простились за руку с Цветковой.

– Главное, чтобы не повторилось, – жестко сказала. – Никогда.

Вернувшись назад Лосев вызвал к себе помощника по тылу.

– Тут на складе я видел сотню складных кроватей и матрасы.

– Есть такие, – ответил старший лейтенант.

– А что имеется из трофейных продуктов?

– Много всего. Фрицы, убегая, бросили.

Загрузишь два грузовика кроватями с продовольствием, отвезешь в концентрационный лагерь. Сдашь капитану Цветковой. Куда ехать мой водитель покажет.

– Разрешите выполнять?

– Давай.

Закатив «цундап» в бокс, Лосев притворил створку и пошагал в штаб.

Сонный дежурный встав, изобразил строевую стойку, он в ответ махнул рукой и поднялся на второй этаж. Открыв дверь своей комнаты, вошел внутрь, повесив на вешалку фуражку. Расстегнув, снял португеею с кобурой и гимнастерку, определив рядом и, усевшись на стул, стащил сапоги. Через минуту с кровати раздался храп.

Проснулся в семь, бодрым и отдохнувшим. За окнами на плацу шла зарядка. Умывшись, побрился опасной бритвой, сполоснув лицо «Шипром», и вместе с другими офицерами сходил на завтрак. Далее начались политзанятия, вернулся к себе, занявшись служебной документацией. С окончанием войны ее стало много больше.

Когда дело подходило к концу, в дверь постучали.

– Да, – поднял голову от бумаг.

– Товарищ майор! – возник на пороге помощник дежурного. – На проводе начштаба дивизии.

Быстро спустились вниз, лейтенант из-за перегородки подал трубку.

– Здравия желаю, товарищ полковник! – приложил к уху.

– И тебе не хворать, – донеслось издалека. – Слушай приказ. В квадрате 4715 обнаружена остаточная группа немцев. К тебе выехал Артюхов из разведотдела с более детальной информацией. Выдвинуться в квадрат и уничтожить. Об исполнении доложить. Удачи.

– Слушаюсь, – вернул лейтенанту трубку. – Боевая тревога!

На улице тоскливо завывала сирена. Из казарм, получив оружие, вываливал и строился на плацу личный состав.

Глава 2. Последний бой

Несмотря на капитуляцию Германии, отдельные группировки нацистских войск не спешили складывать оружие. Особо тревожное положение сложилось в западной части Латвии – Курляндии. Здесь закрепились остатки немецкой группы армии «Север», зажатые двумя советскими фронтами.

В окруженной группировке имелось около тридцати дивизий неполного состава, общей численностью от ста пятидесяти до двухсот сорока тысяч солдат и офицеров немецкой армии.

Группа «Курляндия» продолжала сопротивляться вплоть до середины мая 1945 года. Всего в плен сдалось до двухсот тысяч человек, включая четырнадцать тысяч латышских добровольцев.

22 мая был уничтожен крупный отряд эсэсовцев, численностью более трехсот человек. Под развернутыми знаменами 6-го армейского корпуса СС во главе со своим командиром Вальтером Крюгером он пытался вырваться из окружения. Был уничтожен. С советской стороны погибли двадцать пять красноармейцев, сам Крюгер застрелился.

Сразу после общей капитуляции, фашисты высадили морской десант на датский остров Борнхольм. Немецкий гарнизон выставил ультиматум, о сдаче только американцам.

Бои продолжались два дня. В плен захватили одиннадцать тысяч нацистов.

12 мая ожесточенный бой разгорелся возле чехословацкой деревни Сливница. Отходившую на запад группировку СС блокировали и разбили. Тысячу эсэсовцев уничтожили, еще семь тысяч попали в плен.

14-15 мая в Словении произошла «Полянская битва». Целая армия в количестве тридцати тысяч фашистов и хорватских усташей пытались уйти в Италию к союзникам. На их пути встали югославские партизаны и советские офицеры, прорывавшиеся были разгромлены.

Длительные бои шли на нидерландском острове Тексел. Здесь еще в апреле 45-го подняли восстание советские военнопленные. Им обещали помощь союзники, но позже забыли. Не было связи, и остров оказался отрезанным от материка. Там никто не знал, что война закончилась, и только когда один местный житель сбежал с острова и вызвал канадских военных, боевые действия завершились, немцы сдались.

(Военно – историческая справка)

Через полчаса с территории городка гудя моторами выехала колонна «студебеккеров». В кузовах покачивались бойцы, впереди пылил «джип». Рядом с водителем сидел Лосев, позади Артюхов с Каламбетом.

Разведчик был родом из Одессы, в звании подполковника и, как говорится, свой человек. Иногда он наезжал в батальон, где подобрал группу добровольцев, ходил за линию фронта. А еще был веселым и компанейским человеком. После удачных поисков* Лосев не раз пил с ним водку.

По информации Артюхова остаточная группа немцев в количестве до роты, проявилась в искомом квадрате. Прощлой ночью, выйдя к дороге, атаковала несколько грузовиков с продовольствием, расстреляв водителей и охрану.

– Не иначе жрать нечего, – констатировал разведчик. – Вот и напали.

Колонна быстро продвигалась к юго-востоку, благо дорожная сеть это позволяла.

– Нам бы такие дороги, – обернулся Лосев к Артюхову с Каламбетом.

– Это да, – согласились оба. – В России подобных мало.

– Что-то не вижу твоего замполита, – наклонился вперед подполковник. – Никак ранен или погиб?

– Уехал поступать в военно-политическую академию, – снова обернулся Лосев.

– Да, растет, – покрутил головой. – Шустрый малый.

– Куда шустрой, – хмыкнул заместитель. Хотите о нем историю?

– Давай.

– Значит так. Было это год назад, под Кутно. Нас тогда отвели на пополнение. Помнишь комбат? Лосев молча кивнул.

– Так вот, – продолжил капитан. – Разместили в какой-то деревне, замполит определился на постой к молодой дебелий польке. Ну и ребята решили пошутить.

Ночью подобрался к окнам, заглянули – он в кровати дерет хозяйку. Один саданул прикладом в стекло, а второй дико заорал «немцы!».

Замполит в подштанниках заскакал к двери, а оттуда в лес. Утром едва нашли.

– Га-га-га! – грянул в кабине дружный смех. Громче всех ржал представитель штаба.

– И чем все закончилось? – утер слезы.

– Не стали разочаровывать, – пожал плечами Каламбет. – Он до сих пор в неведении.

Колонна между тем двигалась все дальше. По сторонам тянулись живописные ландшафты: зеленые поля, перемежались лесами, голубели озера с реками, у горизонта в бледной дымке проступали горы.

Спустя полтора часа, миновав небольшой городок со средневековым замком на скале, прибыли месту назначения. Это был уходящий к югу лесной массив, на дороге у которого темнели три сожженных полуторки. Лосев приказал остановиться.

«Джип», сбавив ход, подвернул к первой, сползшей в кювет. Скрипнули тормоза, встал. За ним вся колонна. Комбат с остальными вышли из кабины, достав из планшета карту, развернул на капоте.

– Значит так, – упер палец в координатную сетку. – Лес тянется вдоль дороги на несколько километров. С флангов поля, в тылу река (чиркнул ногтем). Окружим и прочешем. Ротных ко мне, – обернулся к заместителю.

Через короткое время те стояли у «джипа», Лосев поставил боевую задачу.

– Начало через десять минут, – взглянул на наручные часы. – Выполнять!

Офицеры, козырнув, побежали к грузовикам, хлопнули дверцы кабин. Затем три грузовика тронулись вперед, задние развернулись к началу леса. Остальные остались на месте.

– К машинам! – донеслась оттуда команда.

Открылись задние борта, на траву прыгали бойцы, строились за кюветом в две шеренги. Затем всех рассредоточили на расстоянии нескольких метров друг от друга. По истечении контрольного времени последовала команда «вперед!». Держа оружие наизготовку, цепь двинулась по оставленному немцами следу и исчезла среди деревьев.

Комбат с заместителем и разведчиком остались на месте, там же минометная рота и водители.

– Ну что, подышим? – достал Артюхов из кармана коробку «Герцеговины Флор».

– От таких грех отказаться, – первым взял папиросу Каламбет. Задымили.

Солнце между тем поднялось к зениту, в небе пушились легкие облака, под ними черной точкой дрожал жаворонок.

– Тут словно и не было войны, – нарушил тишину Каламбет.

– Этих мест она не коснулась, – выдул ноздрями дым разведчик. – Прошла мимо.

Лосев уселся на бампер «джипа» и надвинул на глаза фуражку.

Спустя полчаса издали донеслись звуки стрельбы, все насторожились. Потом из лесу вынырнул боец в каске, тяжело дыша, подбежал к машине.

– Вестовой от командира третьей роты, товарищ майор. – Наткнулись на охранение фрицев! Завязали бой.

– Добро, – снова взглянул на часы Лосев. – Веди.

Вслед за ним потрусили к деревьям. Там еще была прохлада, пахло хвоей и сыростью. Звуки боя между тем нарастали, теперь стрельба возникла и на флангах. Достали пистолеты.

– Попались гады, – оскалился Каламбет, щелкнув затвором. Под ногами мягко пружинил мох, выскочили на поляну. Ее пересекал санитар с сумкой через плечо, таща подмышки раненого.

– Куда его? – бросил на ходу Лосев?

– Пулевое в живот, – просипел тот и поволок дальше.

Затем наткнулись на трупы двух немцев. Из-за деревьев замахали, – сюда!

Там залегла цепь, согнувшись, подбежал ротный, доложил, – впереди противник.

– Много?

– В охранении было трое. Судя по интенсивности ответного огня не меньше взвода. Отошли. Я пока выслал разведку.

– Будем ждать, – принял решение комбат.

Укрылись за выворотнем упавшей сосны, прислушались. Стрельба на флангах тоже стала затихать, а потом сошла на нет. Вскоре появились два разведчика в масках, сообщив, впереди в километре пустошь и развалины старого замка. Немцы укрылись там.

За ними прибежал связной из первой роты. Докладил то же.

– Вроде мы их обложили, а комбат? – подмигнул представитель штаба.

– Давай быстро назад, – приказал связному Лосев. – Максюте передай, выдвинуться вперед и залечь. Никаких действий не предпринимать до моей команды.

С таким же распоряжением отправили связного в третью роту.

– Ну что? Двинемся и мы? – кивнули в сторону чащи Артюхов с Каламбетом.

Вместо ответа комбат подозвал лежавшего за соседним деревом усатого сержанта.

– Дуй к дороге Сальков и веди сюда минометчиков. – Усек?

– Понял, товарищ комбат – забросил за спину автомат и поспешил обратно.

– Теперь можно и вперед (проводил взглядом). – Давай Яшкин, командуй, – бросил ротному.

Старший лейтенант, встав на ноги, махнул рукой с зажатым в ней «ТТ» на ремешке.

Цепь поднялась и осторожно двинулась дальше. Вскоре лес начал редеть, вышли к поросшей кустарником опушке, залегли снова. Перед ними открылась низина с озером. Рядом то, что было когда-то замком.

Лосев достал из футляра бинокль, покрутил наводку. Оптика приблизила остатки стен, наполовину разрушенную башню и каменное здание без крыши. В нем темнели два ряда амбразур.

– Метров пятьсот будет, – сказал наблюдавший в свой Каламбет.

– Ну-ка дай, – протянул руку Артюхов и чертыхнулся, – из той коробки простреливается вся местность.

– Готовиться к атаке, товарищ майор? – перебежал к комбату ротный.

– Подождем минометы, – опустил бинокль.

– Умное решение, – согласился подполковник. – Зачем зря ложить бойцов?

Как только минометы прибыли, Лосев приказал развернуть расчеты.

– Готовы, товарищ комбат, – доложил через пять минут командир батареи.

– Восемь залпов, а затем дробь, – повернул к лейтенанту голову. – Давай!

Тот, придерживая полевую сумку, порысил обратно.

– Бат – таря огонь! – донеслось сзади.

Последовали резкие хлопки, в небо унеслись пристрелочные мины, на развалинах вспучились разрывы. Затем батарея перешла на поражение, они исчезли. Мины начали рваться внутри каменной коробки.

Отзвучал последний залп, над ней повисло облако пыли, а когда рассеялось, в одной из нижних амбразур замелькало что-то белое.

– Что и требовалось доказать, – сказал Лосев. – Яшкин, принимай капитуляцию.

Старший лейтенант поднял роту. Топоча сапогами, цепь зашепила к развалинам. За ней, сунув пистолеты в кобуры, двинулось начальство.

Когда подошли к форту, у его покрытой лишайниками стены под охраной автоматчиков понурясь стоял десяток пленных в камуфляже.

– Wer ist der Älteste ?* – остановился напротив Артюхов.

Один, в офицерской фуражке с черепом, что-то прохрипел. Последовали еще несколько вопросов с ответами. Подполковник удовлетворенно кивнул, – gut*.

– Остатки полка Ваффен СС, прорвались из Бреслау. Двигались в землю* Гессен, чтобы сдаться американцам, – перевел слова немца.

– Хрен им. Не получилось, – сжал губы Каламбет.

Через низкий проход вошли внутрь. Там валялись изрешеченные осколками тела, оружие со снаряжением и стонали раненые, которых перевязывали двое санитаров. Удушливо пахло взрывчаткой.

– Семьдесят пять дохлых фрицев, – возник рядом Яшкин. – А в том углу, – кивнул на дальний, – еще один. Не иначе большая шишка.

Хрустя гравием и камнями, направились туда.

На санитарных алюминиевых носилках лежал лет пятидесяти немец в запорошенном мундире. На плечах витые погоны, в петлицах дубовые листья. Правая нога до бедра в гипсе. В откинутой руке «вальтер», из простреленного виска еще сочилась кровь.

Артюхов наклонился, похлопал мертвеца по нагрудным карманам и извлек из одного серое удостоверение с орлом. Развернул.

– Командир полка Ваффен СС «Бессляйн», бригаденфюрер* Людвиг Фогель (прочел). По-нашему генерал-майор, – отщелкнув кнопки, сунул в планшетку.

– Не захотел идти в плен, гад, – харкнул на землю Яшкин. – Видать сильно зверствовал.

– Ладно, прикажи собрать оружие и документы, – сказал комбат. – Пленных с ранеными и этого, – взглянул на тело, – отправь к машинам.

– Есть, – приложи к пилотке руку и оглянулся, – Цивенко, ко мне!

– Слухаю, – подбежал жилистый старшина.

– Этого вместе с пленными, – ткнул в генерала пальцем, – доставить на дорогу.

– Поняв, – загремел сапогами по обломкам.

Через пару минут вернулся с двумя немцами.

– Узялы и понэслы, – изобразил жестом. Те послушно подняли носилки и двинулись к выходу.

– А это что? – наклонился Яшкин.

Под ними, в головах, лежал небольшой кожаный саквояж.

– Тэкс, – присев на корточки, отщелкнул замки, раздернул. Внутри матово замерцали слитки.

– Дай один, – протянул руку Артюхов и внимательно осмотрел. – Золотой. С имперским клеймом, вес пятьсот грамм. – Сколько там еще?

– Девять, – посчитал оставшиеся ротный.

– Не пустой шел к американцам этот бригаденфюрер, – сдвинул на затылок фуражку Каламбет.

Подполковник вернул слиток ротному.

– На. Понесешь все лично. Будет о чем вспомнить.

Спустя еще час, автомобильная колонна, гудя моторами, следовала по шоссе обратно. День клонился к закату.

Прибыв в часть, выгрузились. Автомобили определили на стоянку. Личный состав, сдав оружие, привел себя в порядок и строем отправился в столовую. Лосев вопросительно взглянул на Орешкина (тот оставался за старшего) начштаба утвердительно кивнул.

Чуть позже они вчетвером сидели за столом в одном из помещений штаба.

На нем в кастрюле дымилась рассыпчатая картошка, розовело аккуратно нарезанное сало, рядом хлеб. Тут же стояли две открытых банки «второго фронта»*, стеклянная четверть местного бимбера* и солдатские кружки.

Уселись. Каламбет наполнил их до половины. Все взяли в руки.

– За нас, – поднял свою Артюхов. В нее звякнули остальные, выпили.

– Крепкий, зараза, – выдохнул воздух Орешкин. – Никогда не думал, что такой можно варить из яблок.

Стали закусывать. Поле второй закурили, завязался разговор. Вначале о Бреслау. Взяли его большой кровью и с трудом.

– По другому не могло быть, – глубоко затянулся Артюхов.

Немцы превратили город в крепость, не хуже Кенигсберга. К тому же на момент штурма 5-ю армию срочно перебросили на Берлин, а в нашей насчитывалось всего двадцать три с половиной тысячи бойцов. Не хватало артиллерии и танков. Крепостной же гарнизон составлял до сорока пяти тысяч, включая войска СС, горных егерей и парашютистов.

Кстати, потерь могло быть много меньше, мы предложили ультиматум. Но комендант Бреслау гауляйтер* Карл Ханке его отклонил. Сам же, приказав сражаться до последнего солдата, бежал из города на самолете.

– Сволочь, – жестко сказал Лосев.

– Разрешите вопрос, товарищ подполковник? – скрипнул табуретом Каламбет.

– Валяй, – прищурился тот от дыма.

– После взятия Бреслау ходили слухи, что Жуков предлагал Сталину форсировать Эльбу и вломить американцам. Это правда?

– Слухи они и есть слухи, – пожал Артюхов плечами. – Мне об этом ничего неизвестно.

– Ладно, – положил локти на стол Лосев. – Будет ли война с Японией?

– Непременно, – утвердительно кивнул подполковник. – В вышестоящих штабах уже идет работа.

– Так что? Снова в поход? – ткнул в пепельницу сигарету Орешкин.

– Ну, положим не всем, но часть войск перебросят на Дальний Восток.

– Разве тех, что находились там всю войну мало?

– У японцев только Квантунская армия в Маньчжурии насчитывает семьсот тысяч личного состава. А всего более семи миллионов, включая флот.

– Да, махина, – переглянулись остальные.

Заместитель снова плеснул в кружки. Выпили.

– А помнишь, как с тобой ходили в разведку? – крикнув, утер губы представитель штаба.

– Как же, помню, – тряхнул чубом комбат.

Год назад, когда был капитаном, а Артюхов – майором, тот в очередной раз приехал в батальон с тремя своими ребятами. Готовилось очередное наступление, нужен был осведомленный язык, но взять такого не получалось. Дивизионная разведка притащила двух – ефрейтора и фельдфебеля, но они обладали информацией только в пределах своих частей.

Командующий армией учинил разнос начальнику штаба, тот ниже по инстанции. В конечном итоге начальник разведки вызвал к себе Артюхова (он курировал спецоперации) и приказал взять языка лично.

– Не можешь организовать фрицевского офицера, иди сам! И без него не возвращайся.
Отдам под трибунал!

– Вот такие брат дела, – сказал Артюхов Лосеву в его землянке.

На стене горел карбидный фонарь, в углу дремал телефонист у полевого аппарата.

– Дай мне твоего грузина. Он башковитый малый (взглянул на капитана).

Грузин – он же лейтенант Куртадзе командовал разведвзводом и бывал с ним в поисках.

– Не могу, – вздохнул Лосев. – Он третий день в санбате. Малярия.

– Черт! – выругался куратор. – Незадача.

– Слушай. А давай с тобой пойду я? – подался к майору.

Тот знал, что комбат «по-тихому» не раз бывал за линией фронта. И, как правило, ему сопутствовала удача. Делал это в интересах штрафников, представляя тех к досрочной реабилитации или наградам.

– А за себя кого оставишь?

– Каламбета. Если что, прикроет.

– Ладно. Тогда слушай.

Достав из планшетки карту и карандаш развернул на ящике, заменявшем стол.

– Вот тут у тебя перед окопами болото (обвел). – Так?

– Так.

– Пройти можно?

– Вполне. Ребята на днях лазали. Обмелело.

– За ним лес с немецкими позициями, – провел линию. – Насколько плотные?

– Вот тут, тут и тут, огневые точки, – показал пальцем Лосев. – Между ними одна линия окопов. Перед ней колючка. Судя по наблюдениям, на ночь немцы уходят в блиндажи, на точках дежурят пулеметчики.

– А как насчет мин?

– Есть. Пару дней назад перед их позициями пробегал заяц. Подорвался

– Диспозиция ясна, – бормотнул куратор. – Теперь излагаю план. Вот тут, за лесом, в пяти километрах рокада* – снова провел карандашом. А в этом месте изгиб (поставил точку). Ночью по-тихому форсируем болото и минное поле. Для него выделишь двух саперов.

Затем перебираемся через окопы и в лес. Оттуда к извилине дороги. Там устраиваем засаду. Ну как? Уразумел, – взглянул на капитана.

– Уразумел, – кивнул Лосев. – Есть предложение в части возвращения.

– Излагай.

– Когда пойдем обратно, нужно отвлечь фрицев огневой поддержкой батальона. Только надо согласовать время. Можно пригласить заместителя с начштабом?

– Валяй.

Через пять минут в землянке сидели Каламбет с Орешкиным. Их ввели в курс дела и дали ценные указания.

– Будет сделано, – заверили оба.

С наступлением темноты разведгруппа, экипированная в полевую форму фельд-жандармов, привезенную с собой Артюховым, перевалив бруствер на левом фланге, поползла к болоту. Там их уже ждала пара саперов в маскхалатах. Ночь выдалась темной, небо затянули тучи, накрапывал дождь.

Изредка над немецкой обороной в двухстах метрах впереди взлетали ракеты, освещая все мертвенным светом. Лопаясь в вышине, гасли.

Болото действительно изрядно обмелело. Перебрались удачно, поползли дальше.

Действуя короткими щупами, саперы проделали проход в минном поле, сняв семь «лягушек»*. Переждав очередную серию ракет, вырезали в проволоке проход, удерживая концы. Группа исчезла за ограждением.

Через несколько минут справа донесся немецкий говор, приняли левее. У кромки вражеской траншеи ползший первым Артюхов прислушался (внизу было тихо) и махнул рукой. Тенями скользнули туда, потом наверх. Исчезли во мраке.

Лес встретил шумом дождя в кронах, углубились в чашу. Там с Лосевым, накрывшись плащ палатой, в свете фонарика сверились с картой. Выбрав направление, повели группу дальше.

На рассвете вышли к рокаде* с примыкавшим к ней лесом, след в след двинулись вдоль опушки. Изгиб дороги оказался в километре впереди, напротив, за кюветом густой ельник.

– Давай, Миша – передал Артюхов одному из разведчиков бинокль.

Сунув за пазуху, тот ловко полез на ближайшую в охват ель и исчез в кроне. Группа рассредоточилась неподалеку в кустах.

Минут через пятнадцать по дороге пропылила колонна грузовиков с солдатами, впереди бронетранспортер. Спустя еще десять в другую сторону пролязгала гусеницами рота «Фердинандов»*, оставив за собой острый запах выхлопных газов. После этого движение прекратилось.

Распоживалось. Облака уползли к западу, выглянуло солнце. Над землей поднимались испарения. Тихий до того лес ожил: зачирикали птицы, рядом пробежал еж, в траве зашуршали муравьи.

– С запада легкой «опель!» – донеслось сверху.

– Приготовиться, – сказал Артюхов.

Разведчики сняли с предохранителей «шмайсеры», они с Лосевым вышли на дорогу. Оправив обмундирование с шейными бляхами «Feldgendarmarie» встали на обочине. Вскоре послышалось жужжание мотора, из-з поворота возник в камуфляжной окраске автомобиль

– Работаем, – бросил капитану майор, сделав шаг на проезжую часть и поднял руку, "Aus!".

Сбавив ход, машина остановилась. С двух сторон подошли к ней.

– Проверка документов, – сказал Артюхов на немецком высунувшемуся шоферу, вслед за чем грянули два выстрела из «парабеллумов». Он застрелил водителя, Лосев сидящего рядом унтер-офицера.

В следующую секунду задняя дверца отворилась, наружу выскочил поджарый гауптман* с портфелем. Майор уцепил его за плечо и получил сильнейший удар в челюсть. Повалился на спину.

Немец же, набирая скорость, понесся к ельнику, Лосев за ним. Когда уже вбегали, догнав, в прыжке саданул рукояткой пистолета по черепу. Фашист упал, юзом пропахав землю. Набежал еще разведчик, заломив руки, потащили к машине.

Заурчал мотор, свернула в кусты и исчезла меж деревьев.

В чаще леса автомобиль бросили, замаскировав еловыми лапами, порысили вместе с пленником назад. Тот поначалу упирался, что-то мыча через тряпичный кляп, но получив по морде, стал исправно перебирать ногами.

Через час устроили короткую остановку у встреченного ручья, отдышавшись, попили воды и наполнили фляги. А заодно Лосев допросил гауптмана. Тот оказался офицером связи армейской группировки «Центр». В портфеле имелась карта оборонительных рубежей и несколько засургученных пакетов.

– Да, важная птица, – оценил Артюхов. – Теперь главное, все доставить по назначению.

Сверившись по своей «трехверстке»* двинулись дальше. К вечеру вышли с тыла к немецким позициям напротив штрафного батальона. В кустах сделали привал, подкрепившись сухпаем, стали ожидать ночи.

Краски дня постепенно гасли, лес погружался в темноту. Из вражеских окопов в небо изредка влетали ракеты.

Выставив охранение подремали до двух часов. Затем по знаку Артюхова, покалывая гауптмана финкой, подползли к траншее с тыла в районе колючки, где ждал проход. Затаились. До слуха донеслось пикивание губной гармошки.

– Давай, – шепнул на ухо майор, лежавшему рядом разведчику.

Тот приподнялся, приложив ко рту ладони, и трижды прокричал кукушкой.

Как только в лесу затихло эхо, на дальнем фланге штрафного батальона заработал станковый пулемет. К нему присоединился другой. В воздухе зашелестели мины, став рваться в немецких окопах. Огонь усилился, перемещаясь к центру, на той стороне дружно ударили сорокопятаки*.

Немецкая оборона тут же принялась отвечать, все смешалось в адском вое и грохоте. Под него вплотную подползли к немецкой траншее. Метнув вниз несколько «лимонок», нырнули в громыхнувшие разрывы.

Чуть позже, хрипя и изнемогая, ползли по минному проходу к болоту. Прохлюпав по нему, выбрали к своим окопам. Уже на бруствере пулеметная очередь вдогонку прошла одного разведчика, вместе с пленным втянули его за бруствер.

– Санитара сюда! – прокричал ожидавший там Орешкин, и дал в небо зеленую ракету. Огонь на позициях батальона прекратился. Майор с пленным и своими тут же уехал в тыл.

Спустя двое суток Лосева вызвали в штаб армии. Там Артюхову и ему вручили ордена «Красной Звезды», разведчикам медали «За отвагу». Когда же обмывали награды в землянке, куратор поинтересовался, – ты случайно не разрядник по бегу?

– Нет, – ответил капитан. – А что?

– Фриц, которого мы взяли, призер Берлинской олимпиады 36-го года по этому виду спорта.

– Да, – почесал затылок Лосев. – Как же я его догнал?

Спустя еще час, прихватив пленных с мертвым бригаденфюрером и сдитки, Артюхов с охраной убыл в Бреслау.

– Бывайте мужики, – пожал на прощанье офицерам руки. – Кстати, меня переводят в штаб армии. Глядишь, еще увидимся. И усевшись в кабину, хлопнул дверцей.

На следующее утро зарядил дождь. После завтрака Лосев, сидя в кабинете, подписывал бумаги. Их стало много больше, как всегда бывает в мирное время. Тут же находился Орешкин.

– Ты что, их рожаешь? – недовольно пробурчал майор. – Уже пальцы затекли.

– Причем тут я? – шмыгнул носом. – Дивизия запрашивает. Раньше было шесть форм, а теперь десять. Писарь не справляется. Помогаю сам.

– Чернильные души, – скривился Лосев, подписав очередную.

Открылась дверь появился Каламбет в мокрой плащ палатке.

– Дежурный передал, тебя вызывает комдив, Николай Иванович, – отряхнув, повесил на крючок.

– Не иначе поощрит, – высказал предположение Орешкин.

– Потом догонит и еще раз поощрит. – Забирай, – отодвинул документы.

– А почему нет? – уселся на стул сбоку заместитель. – Операцию провели тактически грамотно, считай без потерь. Да еще прищучили эсэсовского генерала и золотой запас.

– Ладно, поглядим, – встал из-за стола Лосев. Натянул хромовую куртку с фуражкой, взял с сейфа планшетку и покинул кабинет.

Спустившись вниз, миновав дежурного, вышел наружу. Дождь кончился, все дышало свежестью. На небе из конца в конец висела радуга. У открытого бокса водитель – сержант протирал тряпкой стекло «джипа».

– Заводи, Петрович, едем в штаб дивизии.

– Понял, – уселся за руль. Лосев устроился рядом. Зафырчал мотор, тронулись, покатали к КПП. Солдат поднял шлагбаум, выехали из части, водитель прибавил газу.

- Красивые все же здесь места, – озирая окрестности, сказал комбат.
- У нас не хуже, – отозвался водитель.

Был он родом с Белгородчины, возрастом за сорок и служил у Лосева автоматчиком еще в штрафной роте. После реабилитации остался с ним, пересев на «джип» и теперь исправно крутил баранку.

- Что домашние, пишут? – снял фуражку комбат.
- Угу, – переключил скорость.– На неделе получил от жены письмо.
- Ну и как они там?
- Тяжко. Отступая, немцы сожгли село, живут в землянках. Землю пахали на себе, с

грехом пополам отсеялись.

- Как это на себе? – повернул голову комбат.
 - Да как? Пять баб в упряжке, одна за плугом. Такие вот, дела.
- Замолчали. Ровно гудел мотор, под колеса уносились мокрая лента асфальта.
- Товарищ майор, – прервал молчание шофер. – Когда начнут увольнять в запас? Очень

уж домой охота.

- Уже начали. Список батальона в дивизии. Ты там в первой очереди.
- Спасибо, – растроганно засопел носом.

Через полчаса въехали в Бреслау.

Штаб находился в центре в одном из уцелевших зданий. На площади пленные разбирали баррикады. Въехали в охраняемый двор, там стоял десяток автомобилей с мотоциклами, припарковались рядом.

– Жди меня здесь, – выпрыгнул из кабины Лосев и, одернув гимнастерку, направился к входу.

Миновав стоящего у двери часового, вошел внутрь, кивнув говорившему по телефону дежурному, взбежал по ступеням на второй этаж. Прошагав длинным коридором, и здороваясь со знакомыми офицерами, вошел в приемную доложил адыютанту.

– Присядьте – ответил щеголеватый, с усиками, капитан и снял трубку одного из телефонных аппаратов.

- Товарищ полковник, майор Лосев прибыл. Слушаюсь, – опустил на рычаг. – Обождите.
- Лосев присел на один из стульев у стены, потянулись минуты ожидания.

Нового комдива не любил. Дивизию тот возглавил в январе 45-го, прежний, генерал-майор Круглов, ушел на повышение. С этим же отношение не сложились.

В отличие от Круглова, благоволившего штрафбату и считавшего его самым боеспособным подразделением, Шмыгаль, так звали полковника, окрестил его личный состав уголовниками. При первой возможности бросал в бой, рапорта Лосева о награждении отличившихся и реабилитации раненых подписывал со скрипом.

Как – то раз Лосев в сердцах высказал ему все, за что комдив хотел снять его с батальона. Отстояли начальник штаба и куратор из «СМЕРША».

Минут через десять из начальственного кабинета появился упитанный финансист с папкой, просеменив к выходу.

- Теперь вы, – кивнул адыютант на обитую черным дерматином дверь.

Встав, пройдя к ней, отворил.

– Товарищ полковник! – сделал несколько шагов вперед. – Майор Лосев по вашему приказанию прибыл, – поднял к виску руку.

Сидевший в дальнем конце кабинета под портретом Верховного комдив сдвинул брови. Был он лет на семь старше, с глубоко сидящими глазами и бритой головой.

- Ты что себе позволяешь, мать твою?! – грохнул по столу кулаком.
- Не понял? – в свою очередь нахмурился майор.
- С час назад мне звонил военный прокурор! За что изувечил польского офицера?!

– Не увечил. Чуть повоспитывал. Хамски себя вел, – глядя поверх головы начальника ответил Лосев.

– Издеваешься!? – налился краской.

– Попрошу на меня не орать, – тихо сказал майор. И было в его голосе что-то, отчего комдив сбавил пыл.

– Ладно, – буркнул, – езжай к прокурору. Разберусь с тобой позже.

– Есть, – развернулся через левое плечо и вышел.

В приемной выяснил у адъютанта, где находится гарнизонная прокуратура. Миновал коридор, спустился вниз.

Глава 3. Трибунал

«Военные трибуналы рассматривают дела, отнесенные к их подсудности «статья 27» Уголовно-Процессуального Кодекса РСФСР и соответствующими статьями Уголовно-Процессуальных Кодексов других союзных республик (статья 8 [Положения о военных трибуналах и военной прокуратуре](#) и статья 7 [Указа Президиума Верховного Совета Союза ССР от 22 июня сего года. «О военном положении»](#)).

Военные трибуналы округов, фронтов, флотов, армий и флотилий, кроме того, рассматривают дела, отнесенные к их подсудности Постановлением ЦИК Союза ССР от 10 июля 1934 года. (СЗ СССР, 1934, N 36, ст. 284).

Предусмотренные в статьях 8 и 9 настоящего Положения дела подсудны:

- а) военным трибуналам при дивизиях – до командира роты включительно и приравненных к нему по служебному положению лиц;
- б) военным трибуналам при корпусах – до командира батальона включительно и ему соответствующих лиц;
- в) военным трибуналам при армиях (флотилиях) – до помощника командира полка включительно и ему соответствующих лиц;
- г) военным трибуналам при военных округах, фронтах и флотах – до командира неотдельной бригады включительно и ему соответствующих лиц...»

(Из Положения о военных трибуналах в местностях, объявленных на военном положении, и в районах военных действий)

– Все было, как рассказали? – спросил, расхаживая по кабинету со скрипучим паркетом военный прокурор. Чем-то похожий на Кагановича, с брюшком и в звании полковника юстиции.

– Именно, – ответил сидевший за приставным столом Лосев.– Мои офицеры здесь не при делах.

– Ну-ну, – уселся напротив и забарабанил по столу пальцами. – Значит так. Сейчас пройдете в двенадцатый кабинет к следователю, он примет объяснение. А завтра пришлете офицеров, что были с вами. У них тоже.

– Вас понял товарищ полковник, – встал со стула. – Разрешите идти?

– Идите.

Нужный кабинет с табличкой «старший следователь Раткевич» оказался этажом выше. Постучав в дверь, вошел, доложил.

– Присаживайтесь, – холодно блеснул очками сухощавый капитан в габардиновом* кителе и с медалью «За боевые заслуги».

«И на груди его могучей, одна медаль висела кучей» промелькнуло в голове.

Сел на стул против канцелярского стола, со стопкой пухлых папок, выжидающе уставился на военюриста. Тот встал со своего места, извлек из открытого сейфа еще одну – тонкую.

– Польская комендатура передала на вас материалы о нанесении увечья их поручику, – открыл, усевшись в старинного вида кресло. – Что имеете сообщить? – достал из ящика стола несколько листов бумаги и взял в пальцы авторучку.

Лосев снова рассказал то же, что и прокурору. Раткевич аккуратно записал.

– А теперь вопрос. Угрожали ли бывшие с вами офицеры оружием патрулю?

– Такого не было, – выдержал прозрачный взгляд.

– Хорошо.

Дополнив объяснительную, протянул Лосеву, – читайте.

– Все верно, – пробежал тот глазами бумагу.

– Теперь напишите внизу «с моих слов записано верно, мной прочитано» и подпишитесь, – протянул ручку. Лосев, исполнив все, вернул.

– Пока можете быть свободны, – определил бумагу в папку. – Завтра к десяти жду офицеров, что были с вами.

– Разрешите вопрос? – товарищ капитан.

– Да.

– Что с тем поручиком?

– Лежит в госпитале. Неудачно приземлился, перелом шейного позвонка.

– Сочувствую, – сказал Лосев и покинул кабинет

Шофер в машине читал «Красную звезду». – Заводи, – уселся рядом на скрипнувшее сидение.

– Куда едем товарищ майор? – сложив газету, сунул под сидение.

– В часть, Петрович.

Тот запустил стартером двигатель, выехали со двора.

Прибыв на место, Лосев пригласил к себе заместителя и начальника штаба, сообщив о причинах вызова к комдиву.

– Уже пожаловались засранцы, – крикнул Каламбет, а Орешкин ругнулся матом.

– Ладно, еще не вечер, – продолжил комбат. – Вся вина на мне. Вы тут ни при делах. Завтра в десять быть в гарнизонной прокуратуре у следователя Раткевича.

– Зачем? – переглянулись.

– Расскажите, как все было. Но забудьте, что доставали оружие. Иначе приплетут и вас.

– С какого перепугу?

– За вооруженное сопротивление патрулю. Оно вам надо?

– Нет, конечно.

– А как же ты? – вскинул брови начальник штаба.

– Как получится. Значит все понятно? – обвел подчиненных взглядом.

– Понятно. Не пальцем деланые.

Следующим утром оба укатили на «цундапе» в Бреслау. Вернувшись, доложили, следователь путал их вопросами, но ничего не добился. Стояли на своем.

– Дотошный, сука, – выпив стакан воды из графина, утер губы Каламбет.

– Ладно, мужики, займитесь делом, – отпустил их комбат.

Минуло еще три дня, а на четвертый Лосева вызвали в прокуратуру снова. Поехал. Ответственности не боялся. За войну прошел Крым рым и медные трубы, надеялся на свою удачу. В этот раз она подвела.

Бесцветным голосом Раткевич сообщил, сутки назад потерпевший скончался в госпитале, не приходя в сознание.

– В этой связи против вас возбуждено уголовное дело за причинения тяжких телесных повреждений повлекших смерть. – Это ясно? (пожевал губами).

– Ясно, – отвердел скулами комбат.

– Вот санкция прокурора на ваш арест, – открыв знакомую папку, показал бланк с синей гербовой печатью и, сунув обратно, нажал на столе кнопку.

За дверью послышались шаги. Она отворилась, в кабинет вошли лейтенант и два солдата с автоматами.

– Сдайте оружие, – протянул руку офицер.

Лосев вынул из кобуры «ТТ», молча отдал.

– На выход.

Оставив кабинет, прошли в смежное, без окон, помещение.

Там у майора отобрали награды, личные вещи и портупею с кобурой, оставив папиросы со спичками, после чего отвели в подвал этажом ниже. Был он со сводчатым потолком и бетонным полом, вдоль таких же стен десяток прочных дверей с глазками и кормушками*.

– Заходи, – отпер ключом на связке одну встретивший внизу надзиратель.

Шагнул внутрь, позади громыхнул замок, стихли удаляющиеся шаги.

Перед ним была камера три на четыре, тускло освещенная висючей лампой, с забранным решеткой окошком под потолком. Вдоль стен нары, между ними колченогий стол.

– О! Нашего полку прибыло, – встал с матраса цыганистого вида смуглый офицер и протянул руку. – Будем знакомы, старший лейтенант Трибой.

– Майор Лосев, – пожал ее комбат.

– Слышь, майор, у тебя случаем закурить нету? Мои кончились. Уши пухнут.

– Есть, – достал из кармана пачку.

Уселись рядом на нары, чиркнул спичкой, закурили.

– За что сюда, если не секрет? – пыхнул Трибой облачком дыма.

Лосев коротко рассказал, – тот одобрительно кивнул. – Правильно сделал.

– А ты? – поинтересовался в свою очередь.

– Я типа немного пошумел.

– И каким же образом?

– Да очень просто. Наш танковый полк стоит в Клетендорфе, на окраине Бреслау. И за это время я, как многие офицеры, обзавелся трофейным транспортом, «Опель-кадетом». Еду на днях в город к знакомой фрау, останавливает военная инспекция и доставляет в линейную комендатуру.

Там составляют протокол и машину отбирают – мол, приказ начальника гарнизона. Я было качать права, а дежурный майор, «вали отсюда, а то будет хуже»

– Ладно, думаю, я тебе устрою, – и назад в полк. Завожу свой «ИС»*, дую на нем обратно. Подъехал к комендатуре и подавил весь транспорт, что там стоял. А еще саданул из пулемета по окнам на прощанье. Развернулся, только меня видали.

– Ну а потом?

– Через сутки забрала контрразведка. Теперь припухаю здесь.

– Крепко пошумел, – покачал головой майор.

– Ну, дак, – растянул в улыбке губы танкист.

К вечеру громыхнула кормушка, принесли ужин. Две миски жидкого супа, чуть сладкий чай в кружках и по куску хлеба.

Утром после завтрака Лосева под конвоем сопроводили к следователю, тот допросил его в качестве подозреваемого. Далее было опознание и очные ставки с патрульными. Один его уверенно опознал, второй засомневался. В показаниях оба путались.

А через неделю Раткевич предъявил майору обвинение в причинении тяжких телесных повреждений повлекших смерть.

– Не расстраивайся, главное, не в убийстве, – успокоил Трибой товарища по несчастью. – Ты орденосец и старший офицер. Думаю, много не дадут. А то, глядишь, и оправдают.

За время, проведенное вместе, оба сошлись характерами. Трибой, двумя годами моложе, воевал с весны 42-го и командовал танковой ротой. Имел «Красное Знамя», солдатскую «Славу» и медаль «За оборону Кавказа». Родом был из Новочеркасска, потомственный казак.

– Послушай, Семен, – спросил по этому поводу майор. – А как отличить настоящего казака от липового?

– Скажи ему так, Коля: «дед твой был казак. Отец сын казачий, а ты хрен собачий». Настоящий даст в морду. Сбрехавший промолчит.

– Теперь буду знать, – похлопал его по плечу Лосев.

Еще через неделю Трибоя увезли на суд, в камеру поместили полковника – авиатора. Он вел дневник, где неблагоприятно отзывался о руководстве партии. Это стало известно «СМЕРШУ» (записи изъяли) и теперь вольнодумца обвиняли в контрреволюционной деятельности.

Полковник, фамилия его была Харламов, оказался весьма общительным и грамотным человеком – наизусть знал программу ВКП(б)* немецкий с испанским, был знаком с Блюехром*.

Лосев, как член партии, ее политику одобрял. По этому поводу между ними возникали споры. Харламов утверждал, что ленинские принципы построения социализма в стране извращаются. Комбат не соглашался.

– Ну а что вы скажете насчет репрессий тридцатых? – однажды спросил Харламов. – Когда арестовали, а затем уничтожили почти всех крупных военачальников. За исключением Ворошилова с Буденным.

– Они были заговорщиками, – ответил Лосев. – Так писали газеты.

– Наши газеты много чего пишут. Особенно партийные. Я, к примеру, воевал в Испании в эскадрильи комбрига Пумпура Петра Ивановича. Впоследствии генерал-лейтенанта и Героя Советского Союза. Лично хорошо его знал.

Так что вы думаете? В 1942 году его признали врагом народа и расстреляли. Могу ли в это поверить? Нет. И весь этот беспредел творили Ягода с Ежовым*. Знал ли про то Сталин? Да. А если знал, почему не прекратил? Молчите? То-то же.

Между тем дело Лосева тоже шло к завершению.

Составив обвинительное заключение, Раткевич ознакомил майора со всеми материалами. В том числе постановлением партбюро части об исключении из партии.

И каково же было его удивление, когда прочел характеристику на себя, подписанную комдивом. Там отмечались низкая политическая сознательность и дисциплина, ненадлежащее руководство вверенным подразделением, а также связь с немкой.

– Не ожидали? – заметил его реакцию капитан.

– До этого деятеля, – постучал ногтем по бумаге, – мой батальон считался одним из лучших в соединении. Это как-то отметил даже командующий фронтом.

– Что было, то прошло, – фыркнул Раткевич.

– Как скоро трибунал? – подписав протокол ознакомления, вернул авторучку хозяину.

– За ним дело не станет, – отстегнув клапан, сунул в нагрудный карман кителя.

Спустя неделю, ближе к вечеру, в замочной скважине провернулся ключ, громыхнул засов. Дверь отворилась.

– Лосев на выход, – буркнул хмурый надзиратель. «Лицом к стене» когда тот выполнил команду. Запер камеру, «вперед». Пошагали коридором. Лосев впереди, руки за спину, страж, позвякивая ключами, сзади.

– Стой. Лицом к стене, – приказал у последней двери. Распахнул, – входи.

Переступил порог. Внутри небольшого помещения, на лавке у стола сидели Каламбет с Орешкиным, на полу туго набитый сидор*. Оба встали.

– Пять минут, – растопырил пальцы страж и плотно прикрыл дверь.

– Здорово командир, – поочередно пожали руку. – Вот, добились свидания. Следователь разрешил. Ну как у тебя дела? – уселись втроем на лавку.

– Терпимо, – пожал плечами. – Кормят, поят, сплю от души. Помирать не надо.

– Да ладно, мы серьезно.

– Ну, если серьезно, следствие закончено. Жду трибунала.

– Мы тут тебе притаранили жратвы, курева и яловые сапоги.

– За них спасибо, а сапоги зачем? У меня эти нормальные, – качнул хромовым носком.

– В голенищах зашито четыре тысячи. Ребята собрали. Пригодятся, – наклонился к уху Каламбет, а Орешкин многозначительно кивнул.

Лосев ничего не ответил, повлажнев глазами.

– И еще. Куда определить твои вещи? – нарочито громко спросил заместитель.

– Пусть разберут на память ребята. Как делали после боя.

– Хорошо, – согласились оба и вздохнули.

Каламбет достал из кармана пачку сигарет, все закурили, помолчали. Думая каждый о своем.

– Время вышло – скрипнув, приоткрылась дверь. Загасив окурки, начали прощаться.

– Не поминайте лихом, мужики, – поочередно обнял Лосев офицеров и, прихватив сидор, вышел в коридор. Надзиратель сопровождал в камеру, звякнули ключи, громыхнул засов.

– Вот, Александр Иванович, дополнительный паек, – усевшись на нары, поставил рядом вещмешок. – Так, что тут у нас имеется? – раздернул горловину.

Поочередно выложил кирпич хлеба, хомут копченой колбасы, изрядный шмат завернутого в газету сала, десяток пачек «Беломора» и ржаные, в пакете сухари. Напоследок согнутые в голенищах новенькие яловые сапоги. Сунув их под нары, все сложил обратно, оставив хлеб с колбасой и пачку папирос.

– Угощайтесь, – определив на стол, пригласил сокамерника

Тот поблагодарил, стали есть. Закончив, с наслаждением закурили.

– Никак передача? – окутался полковник дымом.

– Да, Заместитель и начштаба расстарались.

– А из моих никого нету. Через неделю как меня забрали, полк перелетел в Минск.

Затем Лосев переобулся в новые сапоги, встав, притопнул. На вопросительный взгляд Харламова пояснил, – старые жмут, эти просторнее.

Через сутки, утром, его вместе с еще десятком арестованных, следствие по которым было закончено, погрузили в «черный ворон»* и доставили в трибунал. Он находился на другом конце города в средневековом, окруженном старыми липами особняке. Там поместили в общую камеру, с грохотом закрылась дверь.

Комбата вызвали третьим, вооруженная охрана сопровождала в зал.

Дело рассматривали в закрытом заседании грузный полковник юстиции и два майора. Один лысоватый, второй с густой черной шевелюрой. Вину Лосев не признал, заявив, – потерпевший превысил полномочия.

– Так за это что? Нужно выбрасывать в окно? – тяжело уставился на него председатель.

– Виноват, погорячился, – опустил глаза Лосев.

– Привыкли там у себя в штрафбате, – пробурчал лысоватый майор, а второй громко высморкался в носовой платок.

В ходе судебного следствия трибунал допросил свидетелей – поляков из патруля, офицанта и Каламбета с Орешкиным. Жовнежи* утверждали, что спутники майора угрожали им оружием, офицант бормотал, «не вем»*, а капитаны заявили – поручик сам пытался достать пистолет.

– Кабы не майор, – он бы нас пострелял, – глядя на трибунальцев честными глазами, выдал Каламбет.

– Это точно, – добавил Орешкин.

Те внимательно выслушали всех, председатель огласил имевшиеся в деле документы, и состав удалился из зала. Спустя минут десять вернулся, секретарь крикнул «встать! Суд идет!» и полковник ровным голосом огласил приговор

Лосева признали виновным в причинении потерпевшему тяжких телесных повреждений повлекших смерть, определив наказание – восемь лет в местах лишения свободы. А еще

лишили звания майора и правительственных наград. Он рассчитывал на меньшее, по спине зябко прошел холод.

Приговор ясен? – взглянул на осужденного председатель трибунала.

– Так точно, – ответил хриплым голосом.

Вслед за этим конвой вывел Лоева из зала. На прощание Орешкин крикнул, – Прощай комбат! Не поминай лихом!

Доставив в камеру, вызвали очередного по списку, за ним лязгнул дверной засов.

– Сколько дали? – когда присел на лавку, участливо спросил сосед.

– Восемь.

– Лютуют суки, – сказал кто-то.

Остальные молчали, каждый думая о своем. В полдень всех покормили, выдав по открытой банке консервов и ломтю хлеба. Запили теплой водой из жестяной кружки, прикованной цепью к бачку.

Трибунал ударно трудился весь день.

Когда последний подсудимый получил срок (оправданий не было) в решетке окна заблестела первая звезда. Спустя еще час снова загремела дверь, – всем на выход с вещами! – приказал старший конвоя.

Вышли в ночную прохладу, с тощими вещмешками у кого были, погрузились в тот же фургон. Урча двигателем и переваливаясь на ухабах, он выехал со двора на улицу. Спустя полчаса, поколесив по городу, автомашина стала. Донесся скрежет открываемых ворот, проехали еще немного. Скрипнули тормоза

Распахнулась задняя дверь, последовала команда выгружаться. Попрыгали на землю, выстроили у борта. Мутный свет фонарей на высоких стенах высветил обширную территорию с кирпичным, в четыре этажа зданием, еще какими-то строениями и высокой, наполовину разрушенной трубой.

Доставивший конвой по списку передал осужденных новому. Тот с автоматами наизготовку погнали к входу.

Внутри оказалась настоящая тюрьма: с решетчатыми дверьми меж переходами, глухими – вдоль длинного ряда камер и стальной сеткой разделяющей этажи. Пахло карболкой, тухлой капустой и безысходностью.

Осужденных подвели к одной из камер с намалеванным белой краской номером «15» на железной двери. Поставили лицом к стене. Внутренний охранник провернул ключ в замке и отодвинул засов, – пошел по одному!

Лосев шагнул за порог первым.

Сделав несколько шагов осмотрелся. Камера с серыми стенами и потолком освещенная двумя лампами, забранными ржавой сеткой, уходила вдаль. По сторонам в два яруса высились нары, оттуда доносились голоса.

– Майор! Вот так встреча! – раздалось с ближних, и в проход спрыгнул Трибой. Обнялись.

– Не оправдали? – отстранился.

– Куда там, – махнул рукой Лосев. – Дали восемь лет, поперли из партии и лишили звания с наградами.

– М-да, – почесал затылок танкист – Но ты не бери в голову. Я получил десять.

– Что-то больно много.

– Да понимаешь, в одной из раздавленных машин, которые тоже отобрали, дрых часовая. Его тоже всмятку. Так что кроме уничтожения военного имущества добавили неумышленное убийство. Ладно, Никола, давай со мной. У нас тут своя компания.

Влезли на второй ярус.

Скрестив босые ноги, там сидел его лет скуластый азиат с рысьими глазами и в выцветшем х/б*, рядом лежал, закинув руки за голову, здоровенный моряк в тельняшке. Чуть старше. Позади висели черная фуражка с кителем и еще что-то.

– Знакомьтесь ребята, мой приятель. Сидели в одной камере на следствии, – похлопал Лосева по плечу Трибой.

– Моя Василий, – протянул азиат жесткую ладонь.

– Николай, – пожал ее Лосев.

– Алексей, – приподнялся моряк. – Держи, краба.

Положив у стенки вещмешок, Лосев уселся на доски. Разговорились.

Как оказалось, моряк был мичманом (фамилия Громов) командовал бронекатером. При штурме Бреслау они высаживали десант и поддерживали его огнем с Одера. Когда же крепость пала загуляли и устроили речной круиз. В результате катер налетел на бетонную опору моста и затонул вместе с мотористом.

– Ну, мне и впаяли семерик*. Чтоб служба раем не казалась, – закончил свой рассказ Громов.

– Водка надо пить меньше, – назидательно изрек Василий, прихлопнув ползущую по доске вошь.

– А у тебя что за история? – спросил у него Лосев. – Ты вроде казах?

– Зачем казах? – сделал обиженное лицо. – Я удэге* с Амура. Слышал про такой?

– Как же. Доводилось.

– Был охотник-промысловик, жил в тайге. Потом вызвали в район. Начальник сказал, иди на войну. Пошел. Служил снайпером, убил много немцев.

– Так уж и много, – незаметно толкнул Лосева ногой Трибой.

Удэгеец скосил на него глаза, расстегнул карман гимнастерки и протянул майору сложенный в несколько раз газетный лист.

Развернул. На серой, вытертой по сгибам бумаге, четкий снимок. Василию с двумя орденами на груди и винтовкой на плече жмет руку генерал. Ниже пара строк, где сообщалось, командующий пятой гвардейской армией генерал-полковник Жадов поздравляет лучшего снайпера, ефрейтора Василия Узалу с очередной правительственной наградой.

– Не слабо, – аккуратно сложив, вернул. – Ты случайно не однофамилец Дерсу Узалы* из книги?

Повесть об этом следопыте, весьма популярную до войны, Лосев читал в школе.

– Зачем однофамилец? Внук, – спрятав в карман газету, застегнул пуговицу.

– Так за что же попал сюда? – снова спросил Лосев.

– Несправедливо, – вздохнул Василий. – Тогда, – ткнул пальцем в карман, – генерал на прощание сказал. «Как только кончится война, солдат, возвращаясь домой и бей соболя. Стране нужна пушнина». Я запомнил.

После Победы, мал-мал погулял, а потом собрал вещмешок, взял винтовку и отправился на вокзал. Там забрался в какой-то товарняк, идущий на восток, и поехал домой. А утром, на полустанке меня сняла охрана и отвела к начальнику.

– Куда едешь? – спрашивает.

– На Амур.

– Предъяви документы.

Даю солдатскую книжку и эту самую газету. – Говорю, – командующий разрешил. А он, – не пойдет. Ты, ефрейтор, дезертир.

– Какой дезертир? – отвечаю. – У меня три «Славы» и разрешение генерала. – Ну и дурак же ты, – говорит.

Вызвал охрану, отправил назад. В части меня уже искали и посадили на губу. Дальше был трибунал, получил семь лет. Теперь вот сижу здесь, – развел руками.

– Да, дела, – сочувственно сказал Лосев.

Разговоры в камере между тем утихали, вскоре вокруг возник храп, по проходу пробежала крыса.

Лежа между сопящими носами Трибоем с моряком, Лосев глядел в темноту сверху. Не спалось. Что его судьба так круто повернется, не ожидал, проклиная свою излишнюю горячность. Прошел всю войну, остался жив. Встретил Победу. А тут такое, как в кошмарном сне.

Утром в шесть загремел запор, дневальные унесли парашаи, а затем второй ходкой доставили завтрак: бачки с чаем и кашей, к ним хлебные пайки и по два куса рафинада.

– Грамм шестьсот будет, – взвесил свою на руке Лосев. – Нормально.

– Семьсот, – уточнил Трибой. – Но ты губы не раскатывай, это на весь день.

– Как на весь?

– Да вот так. Проверено.

После завтрака майор угостил всю компанию папиросами (задымили) и сообщил, у него в мешке имеются еще, а кроме того сало и сухари.

– Лучше приберечь в дорогу, – посоветовавшись, решил коллектив.

Дальше все занялись по интересам.

Василий, достав из своего сидора иголку с ниткой, стащил через голову гимнастерку и принялся зашивать лопнувший на рукаве шов. Громов отправился поискать других флотских, а Лосев с Трибоем свесив в проход ноги, наблюдали за сокамерниками.

Было их под сотню, различных родов войск. Одни расхаживали по проходу, другие тоже сидели на нарах. У кого была, дымили махоркой, негромко переговариваясь. Имелись и гражданские. Судя по речи – поляки.

Из гуляющих обратил на себя внимание один, – рыжий, лет за тридцать, что-то насвистывавший и с руками в карманах. Продефилировав рядом с офицерами, скользнул взглядом по их лицам, а потом вернулся.

– Слышь, командир, – подмигнул Лосеву. – Давай сыграем на прохаря?*

– Не играю. Из блатных?

– Есть немного.

– Где воевал?

– В пехоте. А ты?

– Тоже. Командовал батальоном.

– Случаем не из Москвы?

– Угадал. Жил на Шаболовке.

– Получается земляки, – блеснул золотой фиксой*. – Я с Малой Спасской. – Побазарим?

– Залазь. В ногах правды нету.

Трибой чуть подвинулся, – рыжий, ловко подтянувшись на руках, уселся сбоку.

За себя он рассказал, что зовут Павел, кличка Шаман, раньше был вором, а потом завязал. Летом 41-го ушел на фронт.

– Воевал в разведке. Сначала батальонной, затем полковой. Младший лейтенант, замкомвзвода. Имею «Звездочку» и две «Отваги». А месяц назад получил от жены письмо. Утерья хлебные карточки, бедствует.

Тут как раз объявили приказ, можно отсылать домой посылки. А что я могу послать? От хрена уши? Вот и решили с приятелем подломить склад с трофеями. Был такой рядом с частью. Оказалось не судьба. Его шлепнули, меня взяли. Дали пять лет. Ну и все дела.

– Получается, накрылась посылка? – взглянул на рассказчика Трибой.

– Накрылась, – вздохнул. – Как и свобода.

– А зачем у тебя кличка Шаман? Не похож, однако, – сказал сзади Василий, натягивая гимнастерку.

– Знаю (обернулся). – У меня фамилия Шаманов. От нее и кликуха. Слышь, комбат, – наклонился к Лосеву. – Прими в компанию. Мы ведь земляки, здесь других москвичей нету. А человек я бывалый. Глядишь пригожусь.

– Вы как, ребята? – спросил у остальных Лосев.

Оба не возражали.

– Ну, тогда я за шматъем и назад, – спрыгнул в проход Шаман.

– Тертый калач, – проводил его взглядом Трибой.

– И морда хитрая, как у енота, – добавил Василий.

Вскоре появился Громов, влез на нары.

– Как? Нашел своих?

– Не, – повертел лобастой головой, усаживаясь рядом. – Один я такой дурной попался.

– А вот я нашел земляка, – чуть улыбнулся Лосев. – Будет вместе с нами. Ты как, не против?

– Земляк дело святое, – прогудел мичман. – Почти родич.

Через короткое время подошел новый знакомый. С ватником подмышкой и тощим вещмешком.

– О! Мореман, – вскинул брови. – Паша, – протянул руку.

– Леха. Занимай плацкарт.

Прополз на карачках в секцию, уселся по-турецки, раздернул горловину сидора.

– Вот, типа простава, – шмякнул на доски пару банок «второго фронта».

– Откуда? – спросил Лосев.

– Выиграл в карты у одного интендантского. Мордастый такой гад.

– У нас тоже есть чуть продуктов, решили заначить на дорогу. Давай и твои.

– Нет вопросов, командир (убрал). Здесь с шамовкой* терпимо. В дороге будет хуже.

– Это почему? – кряхтя, стянул сапоги Громов.

– Тут наркомовская пайка четвертой категории, как у тыловиков. А в дороге этапная, меньше: хлеб, баланда и кипяток с куском сахара.

– Откуда знаешь?

– До войны имел три ходки*.

В камере провели еще двое суток, а ночью третьих всех вывели во двор и построили с вещами. Как оказалось, народу здесь было много больше. В основном военные, человек триста. Напротив конвойный взвод с автоматами наизготовку и собаками на поводках. Со стен свет прожекторов.

– Да, погуляли в Бреслау славяне, – пробормотал Шаман.

Затем сверили всех по списку, последовала команда «напра-во! Прямо шагом марш!»

По бетону зашаркали сапоги с ботинками, два охранника распахнули железные ворота с торчащей над ними пулеметной вышкой.

«Левое плечо вперед!» помахал фонариком начальник конвоя.

Серый строй с автоматчиками и рычащими овчарками по сторонам, углубился во тьму улиц. Двигались недолго, спотыкаясь и тихо матерясь. Минут двадцать. Потом впереди забрезжили огни, послышались гудки паровозов. Вышли к полуразрушенному вокзалу.

Миновав длинный перрон с несколькими пыхтящими составами, оказались на запасном пути. Там стоял товарняк. Впереди окутанный паром «ФД»*, дальше штабной вагон, платформа с полевой кухней и десяток теплушек. Перед ними второй конвой. Не меньше роты.

– Стой! Напра-во!

Шаркнули подошвы сотен ног, развернулись лицами к составу. Далее снова перекличка, охрана откатила двери.

– Первая десятка пошла! – начали грузиться.

Лосев с товарищами были в пятой, первым в вагон запрыгнул Шаман.

Влез на верхние нары, заорав, – сюда!

Быстро их заняли, определив в головах вещи. С матерками и толчеей разместились другие, осмотрелись.

Теплушка была обычная, рассчитанная на сорок человек или двадцать лошадей. Вверху два окошка забранных решетками, на полу остатки соломы. Дюжина мест остались пустыми.

Снаружи накатила деверь, лязгнул запорный крюк, – очередная пошла! – донесся хриплый голос.

– Ты смотри, еще не плотно набили, – сказал кто-то снизу.

– Не бойсь, дядя, добавят, – откликнулись с середины.

В разных концах задымили, возникли разговоры – куда повезут.

Затем впереди протяжно заревел гудок, по вагонам прошел лязг сцепок, тронулись. Впереди была неизвестность.

Глава 4. Дорога на восток

1. Конвойные войска входят в состав вооруженных сил Союза ССР (статья 4 Закона о всеобщей воинской обязанности) и, как специальные войска, имеют своим назначением:

а) конвоирование лиц, содержащихся под стражей за нарушение законов Советского социалистического государства;

б) осуществление наружной охраны тюрем НКВД, перечень которых установлен Народным комиссаром внутренних дел Союза ССР.

2. Конвойные войска, выполняя поставленные задачи, обязаны обеспечить:

а) при конвоировании заключенных:

1) соблюдение социалистической законности;

2) полную изоляцию заключенных от граждан, а при наличии особых указаний, и между самими заключенными;

3) своевременную доставку заключенных по назначению;

4) пресечение попыток со стороны конвоируемых заключенных к побегу;

5) отражение и уничтожение злоумышленников в случае вооруженного их нападения на конвой.

б) при наружной охране тюрем:

1) пресечение попыток к побегу со стороны заключенных, содержащихся в тюрьмах;

2) отражение и уничтожение злоумышленников в случае вооруженного их нападения на караулы, посты или часовых.

3. Каждый военнослужащий конвойных войск НКВД должен быть безгранично предан партии Ленина – Сталина, своей Советской Родине и Рабоче-Крестьянскому Правительству

4. Военнослужащий конвойных войск обязан всегда помнить и мужественно выполнять присягу, данную им Рабоче – Крестьянскому Правительству.

5. При выполнении внутренней и караульной служб конвойные войска руководствуются соответствующими уставами Рабоче-Крестьянской Красной Армии; при выполнении конвойной службы – настоящим Уставом.

(Из Устава конвойных войск НКВД)

Вторые сутки состав шел по Европе. За мутным стеклом окошка (место Шаман выбрал не случайно) мелькали леса с перелесками, поля, какие-то местечки и хутора. Ехали не быстро, пропуская встречные поезда, с частыми остановками.

На них состав загоняли на запасной путь. Там выводили на оправку, потом грузили и следовали дальше. Кормить стали хуже. Пайка уменьшилась, суп сменился баландой, махорку давали раз в два дня. Так что свою заначку компания пока берегла.

В Варшаве, где стояли в каком-то тупике до ночи, в вагон догрузили десяток власовцев* в грязных немецких мундирах, с нашивками «РОА»*.

– Ну что, навоевались, суки? – спрыгнули с нар сразу несколько человек.

– Да и вы вроде. Не похожи на победителей, – злобно оскалился один.

– Н-на! – впечатался в лицо кулак.

Упал. Возникла драка.

Трибой с Громовым тоже хотели ввязаться, Лосев удержал, – не надо.

Закончилось все быстро. Окровавленных предателей запинали сапогами под нары, – вот ваше место, гады.

Так они и ехали, словно звери. Паек жрали там.

О генерале Власове Лосев впервые услышал, командуя штрафной ротой от бывшего капитана, начальника шифровального отдела 2-й ударной армии Волховского фронта. Власов принял ее весной 42-го уже окруженной немецкими войсками в районе Мясного бора. До этого считался одним из лучших военачальников, проявив себя в боях за Киев и обороне Москвы.

– Чтобы было понятно, в каких условиях мы там сражались, сказал в беседе штрафник, приведу текст последней радиограммы, что передал в штаб фронта за подписью командарма. «Войска армии три недели получают по пятьдесят граммов сухарей. Последние дни продовольствия совершенно не было. Доедаем последних лошадей. Люди до крайности истощены. Наблюдается групповая смертность от голода. Боеприпасов нет».

Тем не менее, коридор для выхода армии к своим мы пробили, и часть армии успела спастись. Остальная так и погибла в окружении. Что случилось с командармом, тайна покрытая мраком.

– И за что же тебя к нам? – спросил тогда ротный.

– За утрату шифровальной станции. Вменили преступную халатность.

Спустя еще год, от знакомого «смершевца» Лосев узнал о предательстве Власова и создании так называемой РОА* из советских военнопленных. На фронте их не встречал, но, как и все другие, ненавидел.

На пограничном переезде в Бресте задержались на сутки. Там сменили вагонные тележки. Начинаясь территория СССР, железнодорожная колея в нем была шире.

Пейзаж за окном начал меняться. Леса стали гуще, поля меньше, то и дело попадались долга сожженные деревни. На обочинах дорог ржавела искореженная техника.

– Белоруссия, – растроганно шептал мичман, не отликая от окошка. – Наконец-то увиделись

– Ты из этих мест? – спросил Лосев.

– Да, майор. С Полесья*.

– А родня как? Жива?

– Нету родни. Все погибли (сжал губы).

– Откуда знаешь? Может, живы? – участливо спросил Трибой.

– Нет, Сема. Их убили каратели. Мне зимой сорок четвертого соседка написала. Всю деревню. Загнали в сарай и живьем сожгли Ей и еще несколькими удалось спастись.

Замолчали. На стыках постукивали колеса, вагон вихляло, изредка тоскливо гудел паровоз.

Минск проехали без остановки, город бы разрушен, вскоре началась Брянщина. Кругом следы запустения и разрухи. Несколько раз видели работавших в полях женщин и подростков. Приложив к глазам ладони, они провожали состав взглядом.

– Ждут с войны своих, – сказал кто-то глядя в окошко.

– Только не нас, – мрачно добавил второй.

Дни тянулись длинной чередой похожие друг на друга. Их разнообразили недолгие остановки, оправка и получение пайка, а еще разговоры. Вспоминали мирную жизнь, близких и родных. Планов никто не строил, будущее виделось туманным.

Как-то один осужденный, психованный молодой парень, стал изгаляться над власовцами. Вытащив одного из-под нар, принялся избивать.

– А-атставить! – свесился вниз Лосев.

Повиновался. Майора в теплушке уважали и признавали старшим. Еще когда проезжали Польшу, конвойные выдававшие паек, недодали два. Возник шум, фронтовики недовольно зашумели.

– В чем дело? – подошел к теплушке старший лейтенант в синей фуражке и гимнастерке с золотыми погонами. – Прекратить бедлам!

– Твои бойцы зажилили два пайка, – вышел вперед комбат. – Прикажи отдать.

С минуту оба сверлили друг друга взглядом, потом старлей отвел глаза, – вернуть! – бросил сержанту.

Еще через день крепкий, с наглой рожей боец из секции напротив, отобрал у пожилого соседа кисет с махоркой. А когда тот возмущился, хлестнул ладонью по щеке. В следующий момент Лосев прыгнул с нар, сделав шаг вперед, сгреб обидчика и врезал кулаком в лоб. Тот покатился по проходу.

– Держи отец, – поднял с пола кисет. – А вы чего молчите? – уставился на его соседей. Те потупили глаза.

– Кстати, за что сидит? – кивнул на обидчика.

– Мародер.

– Понятно, – вернулся на свою секцию.

Конвою вскоре надоело самому таскать термосы с баландой и мешки с хлебом, назначили раздатчиков из арестантов. В их число попал оборотистый Шаман. Теперь их вагон получал полновесные пайки и хлебово погуще. А еще он приносил новости о начавшейся демобилизации, ожидавшейся отмене продовольственных карточек и другом. Например, что в штабном вагоне везут осужденного генерала, а в теплушке через одну – Героя Советского Союза.

– Это ж надо, – удивился низенький солдат – обозник. Даже генерал чего-то начебушил.

Между тем, по мере продвижения на восток, состав увеличивался. В Курске к нему добавились еще четыре вагона, а в Воронеже три.

– В них тоже наш брат фронтовик, – сообщил бывший вор.

– Уж не на войну ли нас везут? – предположил бывший замполит с нижних нар.

– Какую? – поинтересовался сосед.

– С Японией. Со дня на день им объявят войну. Вот и пригодимся.

– Вроде штрафников?

– А почему нет? Нас уже скоро полк. Сколько еще будет.

В теплушке завязался спор. Большинство были «за». Всем хотелось на свободу.

«Чем черт не шутит» думал, покачиваясь наверху Лосев, а потом забылся.

И приснилась ему Москва, Первомай и они всей семьей на Красной площади. Рослый веселый отец в летной форме, улыбающаяся, в шелковом платье мать и он, в тубетейке с красным галстуком. Шел военный парад, по брусчатке шла техника и печатали шаг красноармейцы, а в высокое небо улетала песня

Белая армия, чёрный барон
Снова готовят нам царский трон,
Но от тайги до британских морей
Красная Армия всех сильнее!

Так пусть же Красная
Сжимает властно
Свой штык мозолистой рукой,
И все должны мы
Неудержимо
Идти в последний смертный бой!

неслось из установленных на ГУМЕ* репродукторов.

Затем площадь трянуло, все исчезло. Открыл глаза. Состав, замедляя ход, гремел на стрелках. На фронте сны Лосеву никогда не снились. Видать пришло время.

– Ну, так вот, – услышал снизу хриловатый голос Трибоя. – Было это летом сорок третьего под Белгородом. Я тогда командовал взводом. Готовилось очередное наступление, и мы получили приказ провести разведку боем, вместе с приданной пехотой.

Целью являлся участок немецкой обороны на берегу Ворсклы*, где предстояло ее прощупать и выявить огневые точки.

Утром, часов в пять, пехота влезла на броню, в небо унеслась ракета, я дал по радию команду «вперед!» и мы рванули с места. Половину дистанции, прячась в тумане, прошли на предельной скорости, а когда у реки он поредел, немцы ударили с берега так, что всем чертям стало тошно.

Десант наш посыпался на землю кто – куда. Танк Сашки Гамалеи справа, задымил и попятился назад. Мы же, со вторым, шпарим вперед и садим по фрицам из орудий с пулеметами.

Минут через десять команду отход. Механик-водитель врубаёт заднюю скорость и начинаем отползать назад, в примеченную слева, заросшую кустами низину.

Там же, как на грех, оказалось болотце, он дал газ и стал его форсировать.

Но куда там. Траки погрузились в донный ил, замолотили вхолостую, и мы сели на клиренс.

– Давай, давай ходу курва! – пинаю механика сапогом в спину.

Обливаясь потом, тот заработал рычагами, дергая машину вправо-влево, и тут нам впечатали снаряд в башню. Машину тряхнуло, в морды секануло броневой крошкой, все стихло. Через пару минут кашляя и матерясь, оклемались, хриплю механику «запускай движок». Он пытается – ни в какую.

– Спокойно, говорю, Санек, давай еще. Повторяет, результат тот же.

– Ну, все, – гудит рядом башнер*, – сейчас наведут нам решку.

И точно. Вскоре со стороны немцев показался ихний «Т-3»*, давший по нам пару выстрелов. Броня выдержала. Затем рядом с ним возник тягач, обе машины покатили к низине.

– Так, слушать меня! – отрываюсь от перископа. – Судя по всему, фрицы считают нас дохлыми. Подпустим вплотную и откроем огонь. По моей команде.

Башнер загнал снаряд в ствол, замерли. А эта шобла между тем приближалась. Танк лязгал гусеницами впереди, тягач шел с отставанием и чуть справа.

– Хреново, если «панцер» зайдет к нам сбоку и лупанет в борт, – забеспокоился стрелок-радист. – Там броня точно не выдержит.

– Всем молчать! – приказываю. – Ждать команды.

Сбоку заходить никто не стал (машины остановились в десятке метров напротив). Башенный люк танка откинулся, и на кромку уселся фриц в пилотке, закуривший сигарету.

Из тягача неспешно выбрались еще три, стащили с него буксирный трос и поволокли к «тридцатьчетверке».

– Сидеть тихо, – шепчу. – Пусть крепят.

Оживленно лопоча на своем, фрицы влезли в грязь, зацепили буксир за рым, а потом вернулись. Старший махнул рукою водителю тягача. Тот врубил скорость (канат натянулся), потом прибавил обороты, и мы потихоньку двинулись вперед, освобождаясь от топи.

А как только оказались на сухом, я заорал «огонь!», и наводчик вклепил броневой под погон башни «панцера». Ее расколело как орех, немец тут же загорелся, а механик по ходу движения, (тягач все еще полз), снова надавил стартер, и на этот раз получилось.

Танк ожил, взревев двигателем. Я приказал «дави!», и мы прыгнули на тягач как кобель на суку. Под днищем хрупнуло, машину колыхнуло, и через минуту, объезжая злосчастную низину, мы на полном ходу рванули к своим.

Когда фрицы опомнились и стали садить вслед из пушек, было уже поздно. Машина вышла из сектора обстрела. Вот такая была у нас история, – закончил Трибой.

- Ну и что? Начальство оценило? – спросил кто-то из слушателей.
- Само – собой. Я получил за ту разведку – боем «Звездочку», а ребята по «Отваге».
- И еще была заметка в армейской газете, только мы ее искурили.
- Га-га-га, – захохотали несколько голосов.

Но самыми интересными были рассказы Василия о деде.

Война всем изрядно надоела, хотелось чего-то мирного. И он поведал о тайге, охоте, путешествиях знаменитого следопыта вместе с русским ученым Арсеньевым, который как раз и написал книгу. Оказывается внук, три года учивший в интернате, тоже ее читал.

– Все так и есть, – сказал он. – Но я знаю больше. Дед не был нанайцем*, он удэге. Жена с дочкой у него действительно умерли от оспы, а вот сын остался. Это был мой отец. Воспитывался у родни в стойбище, Дерсу его навещал. А кроме той плантации женьшеня, что вырастил в тайге и подарил Арсеньеву, имел еще две, для сына.

Про них узнали контрабандисты, хотели выследить. Не получилось. Дед завел в непроходимые места и почти все погибли. Оставшиеся не простили. Подстерегли деда и застрелили. Мой отец позже отомстил.

– А плантации как, нашел? – поинтересовался Громов

– Не, – покачал головой Василий. – Тайга большая. Места знать надо.

– Это какие же деньги пропали, – сокрушенно вздохнул Шаман. – Женьшень то же золото.

– В тайге сейчас есть контрабандисты? – спросил, лежа на боку Лосев.

– При советской власти меньше стало. Но встречаются. Таскают из Китая спирт с опиумом. Меняют на золото с соболями и женьшень.

– Зверя много?

– Хватает. Есть кабан с медведем, лось, изюбрь, рысь и даже амба. Из пушного – соболь с горностаем, ласка, белка, и куница. Много всякой птицы, а в реках рыбы. Живи, братка, не хочу.

– Амба это кто? – донеслось снизу.

– Уссурийский тигр. Очень большой и умный. Его не трогаем.

– Почему?

– Разгонит в месте, где промышляешь, всего зверя, утащит собачек, а то и самого охотника. А еще старики рассказывают, что амурские люди пошли от них.

Как-то амба пришел к дому одной молодой женщины и лег у порога. Та попросила его уйти, но зверь остался на месте. Тогда перешагнула через него и отправилась по своим делам. Вернувшись, снова перешагнула. Вечером амба поднялся и ушел.

Спустя время почувствовала, что беременна, и родила двух мальчиков. А потом ушла с ними в тайгу, превратившись в тигрицу. Когда ее разыскал брат, отдала ему детей и велела никогда не убивать амбу. От мальчиков и появились на свет удэге, нанайцы и орочены.

– Да-а. Необычная страна, – протянули с соседних нар. Все слушали внимательно.

– А как у вас насчет колхозов? – поинтересовался один, в прошлом агроном.

– Есть такие, – кивнул удэге.

– И чем занимаются?

– Ловят рыбу и добывают пушнину. Все сдают государству.

За Саратовом начались степи. Плоские, как стол, рыжие и выжженные солнцем. Иногда вдали виднелись овечьи отары, реже табуны. Серебрился под ветром ковыль, у горизонта дрожало море. В теплушках стояла духота, вода, что давали, стала чуть солоноватой.

– Отсюда для нас два пути, – глядя в окошко (стекло из него давно вынули) заявил Шаман. – В Сибирь или Казахстан.

– И где хуже? – подставил лицо ветерку Трибой.

– Второй срок я отбывал на лесоповале под Омском. Врагу не пожелаешь. И был у меня кореш из Джамбула. У них зэки работают на урановых рудниках. Там вообще хана. Дохнут как мухи.

– Да, куда ни кинь, всюду клин, – сказал глядя в потолок лежавший рядом Громов. Вагон мотало на стыках, лязгали и скрипели сцепки.

Когда перевалили Уральский хребет, все поняли, везут в Сибирь. Отнеслись безразлично. И только Узала оживился, – даже замугыкал на своем языке песню.

– Чему Васька радуешься? – сказал по такому случаю Трибой. – Свои края почуял?

– Ага, Сема – прищурил раскосые глаза. – Очинна соскучился.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.